

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

При решении вопросов о законности отказа представителем нанимателя государственному служащему в заключении с ним срочного служебного контракта и о том, носит ли такой отказ дискриминационный характер, суду следует определить и установить все юридически значимые обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения спора

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 27 мая 2019 г. № 5-КГ19-54*

(Извлечение)

К. обратилась в суд с иском к Федеральной антимонопольной службе (далее — ФАС России) о признании незаконным отказа в допуске к прохождению государственной гражданской службы в должности советника отдела контроля морского вооружения соответствующего Управления ФАС России, об обязанности заключить контракт на прохождение государственной гражданской службы на этой должности.

В обоснование заявленных требований К. указала следующее. 10 августа 2017 г. она была зачислена в кадровый резерв ФАС России.

7 сентября 2017 г. истцом было подано заявление о приеме на работу в ФАС России на должность советника отдела контроля морского вооружения на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет основного сотрудника, ей был установлен испытательный срок — шесть месяцев, определен наставник на срок три месяца.

10 сентября 2017 г. К. уволилась с предыдущего места работы, так как была уверена в том,

что будет принята на службу в ФАС России. В период с 12 по 14 сентября 2017 г. она проходила комиссию на допуск к сведениям, составляющим государственную тайну. С 18 по 21 сентября 2017 г. ответчик допустил К. к выполнению своих служебных обязанностей по подготовке ряда документов.

В декабре 2017 г. ФАС России получены документы, подтверждающие положительное решение о допуске К. к сведениям, составляющим государственную тайну, по второй форме и о принятии ее на службу в отдел контроля морского вооружения.

Однако контракт на прохождение государственной гражданской службы с К. заключен не был, ей в устном порядке было сообщено о том, что она не принята на государственную гражданскую службу по причине ее беремности.

К. предприняла попытку урегулировать спор в досудебном порядке путем направления в ФАС России соответствующей претензии, в ответе на которую представитель ФАС России сообщил об отсутствии возможности принять ее на государственную гражданскую службу и заключить с ней контракт по соответствующей должности.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении исковых требований отказано.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что руководителем ФАС России приказ о назначении К. на должность государственной гражданской службы советника отдела контроля морского вооружения не издавался, служебный контракт с ней не заключался, с правилами внутреннего трудового распорядка, должностной инструкцией и локальными актами ФАС России

ее не знакомили, табель учета рабочего времени в отношении К. не велся, денежное содержание ей не начислялось и не выплачивалось, в связи с чем пришел к выводу об отсутствии доказательств, подтверждающих факт трудовых отношений между К. и ФАС России. Суд первой инстанции указал также, что К. не доказала факт работы у ответчика в спорный период в должности советника отдела контроля морского вооружения, в частности ею не было представлено доказательств допуска ее к работе с ведома или по поручению работодателя и фактического выполнения трудовой функции в ФАС России.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 27 мая 2019 г. пришла к выводу о том, что судами первой и апелляционной инстанций были допущены существенные нарушения норм материального и процессуального права, которые выразились в следующем.

Частью 7 ст. 11 ТК РФ предусмотрено, что на государственных служащих и муниципальных служащих действие трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, распространяется с особенностями, предусмотренными федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации о государственной службе и муниципальной службе.

В соответствии с п. 2 ст. 1 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» представитель нанимателя — руководитель государственного органа, лицо, замещающее государственную должность, либо представитель указанных руководителя или лица, осуществляющие полномочия нанимателя от имени Российской Федерации или субъекта Российской Федерации.

В ст. 16 названного Закона установлены ограничения, связанные с гражданской службой. В данной норме перечислены случаи, когда гражданин не может быть принят на гражданскую службу, а гражданский служащий не может находиться на гражданской службе: наличие заболевания, препятствующего поступлению на гражданскую службу или ее прохождению и подтвержденного заключением медицинской организации; выход из гражданства Российской Федерации или приобретение гражданства другого государства; представление подложных документов или заведомо ложных сведений при поступлении на гражданскую службу и другое.

Частью 1 ст. 22 Закона предусмотрено, что поступление гражданина на гражданскую службу для замещения должности гражданской службы или замещение гражданским служащим другой должности гражданской службы осуществляется по результатам конкурса, если иное не установлено настоящей статьей.

Согласно пп. 3 и 5 ч. 2 ст. 22 названного Закона конкурс не проводится при назначении на должность гражданской службы гражданского служащего (гражданина), включенного в кадровый резерв на гражданской службе; при заключении срочного служебного контракта.

Конкурс может не проводиться при назначении на отдельные должности гражданской службы, исполнение должностных обязанностей по которым связано с использованием сведений, составляющих государственную тайну, по перечню должностей, утверждаемому нормативным актом государственного органа (ч. 3 ст. 22 Закона).

В соответствии с ч. 1 ст. 23 указанного выше Закона прохождение гражданской службы и замещение должности гражданской службы осуществляются на основе служебного контракта — соглашения между представителем нанимателя и гражданином, поступающим на гражданскую службу, или гражданским служащим. Служебным контрактом устанавливаются права и обязанности сторон.

Срочный служебный контракт заключается в случае замещения должности гражданской службы на период отсутствия гражданского служащего, за которым в соответствии с данным Законом и другими федеральными законами сохраняется должность гражданской службы (п. 2 ч. 4 ст. 25 Закона).

В силу п. 6 Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне, утвержденной постановлением Правительства РФ от 6 февраля 2010 г. № 63, если по характеру выполняемых должностных (специальных, функциональных) обязанностей предусматривается доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, граждане могут быть назначены на эти должности только после оформления допуска к государственной тайне по соответствующей форме.

Статьей 73 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ предусмотрено, что федеральные законы, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, содержащие нормы трудового права, применяются к отношениям, связанным с гражданской службой, в части, не урегулированной данным Законом.

Следовательно, данной статьей предусмотрено subsidiарное применение норм трудового законодательства к отношениям, связанным с государственной гражданской службой (Обзор судебной практики по спорам, связанным с прохождением службы государственными гражданскими служащими и муниципальными служащими, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 22 июня 2016 г.).

Частью 1 ст. 64 ТК РФ запрещается необоснованный отказ в заключении трудового договора. Частью 3 этой же статьи предусмотрен запрет отказывать в заключении трудового договора жен-

щинам по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей.

По письменному требованию лица, которому отказано в заключении трудового договора, работодатель обязан сообщить причину отказа в письменной форме в срок не позднее чем в течение семи рабочих дней со дня предъявления такого требования (ч. 5 ст. 64 ТК РФ).

В п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 “О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации” разъяснено, что при рассмотрении споров, связанных с отказом в приеме на работу, необходимо иметь в виду, что труд свободен и каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, а также иметь равные возможности при заключении трудового договора без какой-либо дискриминации, т.е. какого бы то ни было прямого или косвенного ограничения прав или установления прямых или косвенных преимуществ при заключении трудового договора в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства (в том числе наличия или отсутствия регистрации по месту жительства или пребывания), а также других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работников, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом (ст.ст. 19, 37 Конституции Российской Федерации, ст.ст. 2, 3, 64 ТК РФ, ст. 1 Конвенции Международной организации труда № 111 о дискриминации в области труда и занятий 1958 года, ратифицированной Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 января 1961 г.).

В п. 10 названного постановления Пленума также указано, что при рассмотрении споров, связанных с отказом в приеме на работу, необходимо проверить, делалось ли работодателем предложение об имеющихся у него вакансиях (например, сообщение о вакансиях передано в органы службы занятости, помещено в газете, объявлено по радио, оглашено во время выступлений перед выпускниками учебных заведений, размещено на доске объявлений), велись ли переговоры о приеме на работу с данным лицом и по каким основаниям ему было отказано в заключении трудового договора. При этом необходимо учитывать, что запрещается отказывать в заключении трудового договора по обстоятельствам, носящим дискриминационный характер.

Из приведенных нормативных положений Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации”, Трудового кодекса РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по их применению следует, что гражданин может быть принят на гражданскую службу в случае отсутствия ограничений, связанных с гражданской службой, и соответствия его квалификационным требованиям, установленным законодательством Российской Федерации для замещения должностей гражданской

службы. Поступление гражданина на гражданскую службу для замещения должности гражданской службы осуществляется по результатам конкурса. Конкурс не проводится при поступлении гражданина на гражданскую службу по срочному служебному контракту. В случае отказа представителя нанимателя в принятии гражданина (не имеющего ограничений, связанных с гражданской службой, и отвечающего квалификационным требованиям, установленным для замещения должностей гражданской службы) на гражданскую службу (в том числе по срочному служебному контракту) представитель нанимателя по письменному требованию гражданина обязан сообщить причину отказа. Служебные споры о неправомерном отказе в поступлении на гражданскую службу рассматриваются также непосредственно в судах. При рассмотрении в суде спора о признании отказа в поступлении на гражданскую службу неправомерным гражданин должен доказать несоответствие отказа представителя нанимателя действующему законодательству, регулирующему поступление граждан на гражданскую службу, а представитель нанимателя, в свою очередь, — правомерность отказа в приеме на гражданскую службу. При этом необходимо проверить, предлагалась ли представителем нанимателя гражданину имеющаяся у него должность гражданской службы, по поводу поступления на которую возник спор; проводились ли представителем нанимателя процедуры по принятию этого гражданина на гражданскую службу и по каким основаниям ему было отказано в заключении служебного контракта, а кроме того, учитывать, что запрещается отказывать в заключении служебного контракта по обстоятельствам, носящим дискриминационный характер.

Изложенные нормы права, регулирующие поступление гражданина на гражданскую службу для замещения должности гражданской службы по срочному служебному контракту, судами первой и апелляционной инстанций при рассмотрении исковых требований К. были применены неправильно. Вследствие этого обстоятельства, имеющие значение для дела с учетом норм права, регулирующих спорные отношения, судебными инстанциями не установлены, действительные правоотношения сторон не определены.

Частью 2 ст. 56 ГПК РФ предусмотрено, что суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

В силу ч. 1 ст. 67 ГПК РФ суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств.

При принятии решения суд оценивает доказательства, определяет, какие обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения дела, установлены и какие обстоятельства не установлены, каковы правоотношения сторон, какой за-

кон должен быть применен по данному делу и подлежит ли иск удовлетворению (ч. 1 ст. 196 ГПК РФ).

По данному делу для решения вопросов о том, имел ли место неправомерный отказ ФАС России в поступлении К. на гражданскую службу на должность советника отдела контроля морского вооружения по срочному служебному контракту и не носил ли данный отказ дискриминационный характер по мотиву, связанному с беременностью К., юридически значимыми, подлежащими определению и установлению с учетом исковых требований К., возражений на них ответчика и регулирующих спорные отношения норм материального права являлись следующие обстоятельства: проходила ли К. собеседование и иные процедуры, связанные с ее поступлением на гражданскую службу на должность советника отдела контроля морского вооружения на время отсутствия основного работника, и с каким результатом; какое решение было принято представителем нанимателя в отношении К. после прохождения ею собеседования на указанную должность; по согласованию с каким должностным лицом ФАС России истцом было подано заявление о назначении на должность советника отдела контроля морского вооружения; по каким причинам К. было отказано представителем ФАС России в принятии на гражданскую службу и заключении срочного служебного контракта на должность советника отдела контроля морского вооружения, могли ли эти причины с учетом действующего правового регулирования являться основанием для отказа в принятии К. на эту должность гражданской службы и др.

Суды первой и апелляционной инстанций при рассмотрении исковых требований К. в результате неправильного применения норм материального права и существенного нарушения норм процессуального права не определили и не установили названные обстоятельства, имеющие значение для дела, и то, какой стороне надлежит их доказывать.

В соответствии со ст. 12 ГПК РФ правосудие по гражданским делам осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом, разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий, оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел.

Доказательства представляются сторонами и другими лицами, участвующими в деле. Суд вправе предложить им представить дополнительные доказательства. В случае, если представление необходимых доказательств для этих лиц затруднительно, суд по их ходатайству оказывает содей-

ствие в собирании и истребовании доказательств (ч. 1 ст. 57 ГПК РФ).

В силу ст. 60 ГПК РФ обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами.

Для доказывания того, что документы на К. были поданы ФАС России в федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в области обеспечения безопасности, на оформление допуска к государственной тайне для того, чтобы заключить срочный служебный контракт на должность советника отдела контроля морского вооружения, требующую такого допуска, истцом заявлялись ходатайства в порядке ст. 57 ГПК РФ об истребовании из ФАС России и органа безопасности документов о результатах рассмотрения запроса ФАС России об оформлении К. допуска к государственной тайне для назначения на указанную должность. Эти ходатайства в нарушение положений ст.ст. 12, 57 ГПК РФ были отклонены судом первой инстанции.

Между тем из положений Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 "О государственной тайне" и Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне, утвержденной постановлением Правительства РФ от 6 февраля 2010 г. № 63, определяющих порядок допуска должностных лиц и граждан к государственной тайне, следует, что мероприятия по оформлению допуска к государственной тайне по соответствующей форме проводятся кадровыми и режимно-секретными подразделениями организации в отношении граждан, принимаемых на работу (службу) на должности, предусматривающие допуск к сведениям, составляющим государственную тайну. Режимно-секретное подразделение организации на каждого такого гражданина направляет в орган безопасности предусмотренные документы, в том числе письмо с обоснованием необходимости оформления гражданину допуска к государственной тайне, в котором указываются должность, на которую оформляется гражданин, и другие сведения по данной должности. По окончании процедуры проверки документы с отметкой органа безопасности о проведении проверочных мероприятий и номером допуска к государственной тайне возвращаются в организацию.

Следовательно, истребование документов на К. из ФАС России и органа безопасности по поводу прохождения ею процедуры оформления допуска к государственной тайне, их изучение и оценка необходимы были для выяснения вопроса о причинах отказа ФАС России в принятии К. на должность советника отдела контроля морского вооружения по срочному служебному контракту.

В результате отказа судебных инстанций в удовлетворении указанных ходатайств К. была фактически лишена права на представление доказательств в подтверждение своих исковых требований. Это привело к тому, что гарантированное каж-

дому право на справедливую, компетентную, полную и эффективную судебную защиту, закрепленное в ст. 8 Всеобщей декларации прав человека, п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, п. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также в ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации, в отношении К. оказалось существенно ущемленным.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала также заслуживающим внимания довод К. о том, что отказ ФАС России в ее приеме на гражданскую службу носил дискриминационный характер по мотиву беременности, сославшись при этом на положения международных актов (п. “с” ст. 4 Декларации о ликвидации дискриминации в отношении женщин, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 7 ноября 1967 г.; ст. 1 и пп. “с” и “е” ст. 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г.), нормы трудового законодательства (ст.ст. 3 и 4 ТК РФ), а также разъяснения Пленума Верховного Суда РФ (п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 1 “О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних”).

Ввиду изложенного Судебная коллегия отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Контролирующее должника лицо не может быть привлечено к субсидиарной ответственности на основании ст. 61¹² Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” по долгам, возникшим до момента, в который это лицо должно было обратиться с заявлением о банкротстве должника

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21 октября 2019 г. № 305-ЭС19-9992

(Извлечение)

С момента создания должника и до возбуждения дела о его банкротстве Ф. являлся единственным участником и руководителем должника.

В связи с ненадлежащим исполнением должником обязательств по договору подряда решением арбитражного суда по другому делу с контролируемой Ф. организации в пользу общества взысканы убытки. Указанное судебное решение вступило в законную силу 30 апреля 2015 г.

Поскольку должник не исполнил вступивший в законную силу судебный акт, общество в 2017 году обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании его банкротом.

Определением суда возбуждено производство о банкротстве должника. Впоследствии оп-

ределением того же суда на основании абз. 8 п. 1 ст. 57 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон о банкротстве) производство по данному делу прекращено из-за отсутствия средств, достаточных для возмещения расходов на проведение процедур банкротства.

Полагая, что имеется предусмотренное Законом о банкротстве основание для привлечения Ф. к субсидиарной ответственности по обязательствам контролируемого им должника (за неисполнение обязанности по подаче в арбитражный суд заявления о банкротстве должника), общество обратилось в арбитражный суд с соответствующим требованием. Размер ответственности Ф. определен обществом в сумме, взысканной решением арбитражного суда в качестве убытков по договору подряда.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление удовлетворено. Суды исходили из того, что Ф. в силу ст. 9 Закона о банкротстве должен был инициировать процесс банкротства должника в течение месяца после вступления в законную силу судебного решения по делу о взыскании убытков по договору подряда, т.е. не позднее 1 июня 2015 г., чего он не сделал.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 21 октября 2019 г. отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении заявления по следующим основаниям.

Применительно к гражданским договорным отношениям невыполнение руководителем требований Закона о банкротстве об обращении в арбитражный суд с заявлением должника о его собственном банкротстве свидетельствует, по сути, о недобросовестном сокрытии от кредиторов информации о неудовлетворительном имущественном положении юридического лица. Подобное поведение руководителя влечет за собой принятие несостоятельным должником дополнительных долговых обязательств в ситуации, когда не могут быть исполнены существующие, заведомую невозможность удовлетворения требований новых кредиторов, от которых были скрыты действительные факты, и, как следствие, возникновение убытков на стороне этих новых кредиторов, введенных в заблуждение в момент предоставления должнику исполнения.

Исходя из этого, в п. 2 ст. 10 Закона о банкротстве, в действовавшей ранее редакции, ст. 61¹² Закона о банкротстве, в редакции действующей в настоящее время, законодатель презюмировал наличие причинно-следственной связи между обманом контрагентов со стороны руководителя должника в виде намеренного умолчания о возникновении признаков банкротства, о которых он должен был публично сообщить в силу Закона, подав заявление о несостоятельности, и негативными последствиями для введенных в заблуждение кредиторов,

по неведению предоставивших исполнение лицу, являющемуся в действительности банкротом, явно неспособному передать встречное исполнение.

Субсидиарная ответственность такого руководителя ограничивается объемом обязательств перед этими обманутыми кредиторами, т.е. объемом обязательств, возникших после истечения месячного срока, предусмотренного п. 2 ст. 9 Закона о банкротстве.

В рассматриваемом случае суды установили, что Ф. должен был инициировать процесс банкротства должника после 30 апреля 2015 г. На иной период возникновения обязанности должника общество не ссылалось и соответствующие обстоятельства не доказывало.

При таких обстоятельствах у судов не имелось оснований для возложения на Ф. субсидиарной ответственности за неподачу заявления о банкротстве по обязательствам должника, вытекающим из договора подряда, возникшим до 30 апреля 2015 г.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Оспариваемая частично форма уведомления о несоответствии указанных в уведомлении о планируемых строительстве или реконструкции объекта индивидуального жилищного строительства или садового дома параметров объекта индивидуального жилищного строительства или садового дома установленным параметрам и (или) недопустимости размещения объекта индивидуального жилищного строительства или садового дома на земельном участке (приложение № 3), утвержденная приказом Минстроя России от 19 сентября 2018 г. № 591/пр, признана не противоречащей федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 27 августа 2019 г. № АКПИ19-492, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 3 декабря 2019 г. № АПЛ19-433

2. Подпункт “в” п. 15 Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденных постановлением Правительства РФ от 13 августа 2006 г. № 491, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 21 августа 2019 г. № АКПИ19-451, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 28 ноября 2019 г. № АПЛ19-427

3. Пункты 3, 7, 35, 51, 53 Положения об особенностях режима рабочего времени и времени отдыха членов экипажей воздушных судов гражданской авиации Российской Федерации, утвержденного приказом Минтранса России от 21 ноября 2005 г. № 139, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 26 августа 2019 г. № АКПИ19-469, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 3 декабря 2019 г. № АПЛ19-431

4. Абзац 1 п. 6 Правил организации деятельности мобильной медицинской бригады, являющихся приложением № 8 к Положению об организации оказания первичной медико-санитарной помощи взрослому населению, утвержденному приказом Минздравоохранения России от 15 мая 2012 г. № 543н, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 15 августа 2019 г. № АКПИ19-481, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 3 декабря 2019 г. № АПЛ19-430

5. Оспариваемые частично подп. “л” п. 11 Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденных постановлением Правительства РФ от 13 августа 2006 г. № 491, п. 13, подп. “б” п. 31, пп. 42, 64 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354, пп. 3, 11, 12, 17, 18, 25, 27 Правил, обязательных при заключении управляющей организацией или товариществом собственников жилья либо жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом договоров с ресурсоснабжающими организациями, утвержденных постановлением Правительства РФ от 14 февраля 2012 г. № 124, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 24 апреля 2019 г. № АКПИ19-78, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 8 августа 2019 г. № АПЛ19-271

6. Оспариваемый частично п. 187 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 30 октября 2019 г. № АКПИ19-689, вступившее в законную силу

1. При квалификации преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ, совершенного до вступления в силу Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ, следует учитывать, что уплаченные до вступления в силу данного Федерального закона страховые взносы входят в состав исчисляемых при этом платежей, если это приведет к уменьшению доли неуплаченных платежей в сумме подлежащих уплате платежей в совокупности

Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 23 октября 2019 г. № 120-П19

(Извлечение)

По приговору Волжского городского суда Волгоградской области от 19 января 2018 г. А. осужден по п. “б” ч. 2 ст. 199, ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Постановлено взыскать с А. в пользу Минфина России в лице управления Федерального казначейства по Волгоградской области 18 770 926 руб. в счет возмещения ущерба, причиненного государству в результате преступления.

А. признан виновным в уклонении от уплаты налогов с организации путем включения в налоговую декларацию заведомо ложных сведений в особо крупном размере и покушении на мошенничество в особо крупном размере.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда от 23 марта 2018 г. приговор оставлен без изменения.

Председатель Верховного Суда РФ в представлении поставил вопрос о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств — в связи с вынесением Конституционным Судом РФ Постановления от 9 июля 2019 г. № 27-П.

Президиум Верховного Суда РФ 23 октября 2019 г. удовлетворил представление по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ч. 4 ст. 413 УПК РФ признание Конституционным Судом РФ закона, примененного судом в данном уголовном деле, не соответствующим Конституции Российской Федерации является основанием для возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств в порядке, установленном главой 49 УПК РФ.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 9 июля 2019 г. № 27-П признал положения ст. 199 УК РФ, включая п. 1 примечаний к ней, в действующей редакции, изложенной Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ, не противоречащими Конституции Российской Федерации, как предполагающие — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования, в том числе в нормативном единстве с ч. 1 ст. 10 УК РФ, — придание этим положениям обратной силы в части включения страховых взносов в состав платежей, учитываемых для целей квалификации уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с организации,

совершенного до вступления в силу данного Федерального закона, если такое включение приведет к уменьшению доли неуплаченных организацией платежей в сумме подлежащих уплате ею платежей в совокупности (с учетом полноты исполнения обязанности по уплате страховых взносов за соответствующий период), что будет означать улучшение правового положения лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

Конституционный Суд РФ указал, что действующая ст. 199 УК РФ в редакции Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ, который по-новому определил критерии крупного и особо крупного размеров уклонения от уплаты указанных в этой статье платежей, включив в состав как неуплаченных, так и подлежащих уплате платежей не только налоги и сборы, но и страховые взносы, подлежит применению во взаимосвязи со ст. 10 УК РФ. Введение в состав суммы подлежащих уплате организацией платежей (помимо ранее включенных в нее налогов и сборов) суммы страховых взносов, означающее увеличение той базы, от которой прежде определялась необходимая для привлечения к уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов либо для установления признаков квалифицированного состава этого преступления доля неуплаченных платежей в процентном отношении к подлежащим уплате в совокупности, и, как следствие, возможное при определенных обстоятельствах уменьшение такой доли можно рассматривать в ряду законодательных мер, объективно влекущих улучшение положения виновного, совершившего соответствующее преступление до вступления в силу Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ, поскольку снижение удельного веса (относительной величины) налогов и сборов в общем объеме подлежащих уплате платежей открывает путь для признания сравнительно меньшей общественной опасности уклонения от их уплаты.

Следовательно, включение страховых взносов в общую сумму подлежащих уплате организацией платежей при исчислении размера уклонения от их уплаты может улучшить положение лица, привлеченного к уголовной ответственности за совершенное до вступления в силу Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ уклонение от уплаты налогов и (или) сборов, но обеспечившего при этом уплату организацией страховых взносов за тот период, за который исчислена сумма неуплаченных налогов и (или) сборов. Тем самым не исключается и возможность изменения квалификации уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с учетом объема исполнения обязанности по уплате страховых взносов за те периоды, в которых неуплата (уклонение от уплаты) таких взносов влекла для плательщика хотя и не уголовную, но публично-правовую ответственность.

Указанное Постановление Конституционного Суда РФ является основанием для возобновления производства по данному уголовному делу ввиду новых обстоятельств, поскольку выявленный конституционно-правовой смысл ст. 199 УК РФ, в том числе п. 1 примечания к этой статье

Уголовного кодекса РФ, является общеобязательным.

На основании изложенного, руководствуясь ч. 5 ст. 415 УПК РФ, Президиум Верховного Суда РФ возобновил производство по уголовному делу ввиду новых обстоятельств и отменил приговор и апелляционное определение в части осуждения А. по п. “б” ч. 2 ст. 199 УК РФ, а также в части взыскания с него в пользу Минфина России в лице управления Федерального казначейства по Волгоградской области 18 770 926 руб. в счет возмещения ущерба, причиненного государству в результате преступления.

Уголовное дело в этой части передано на новое судебное разбирательство в тот же суд иным составом суда.

2. Признание Конституционным Судом РФ положений ч. 1 ст. 73, ч. 1 ст. 299 и ст. 307 УПК РФ, позволяющих сохранять после вступления приговора в законную силу арест, наложенный в рамках производства по уголовному делу на имущество лица, не являющегося обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за его действия, в целях обеспечения гражданского иска, не соответствующими Конституции Российской Федерации послужило основанием для возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств и снятия ареста с имущества

Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18 сентября 2019 г. № 57-П19

(Извлечение)

Апелляционным приговором Волгоградского областного суда от 31 марта 2016 г. осуждены: Р., П. и другие по ч. 4 ст. 159 УК РФ, Ш. — по ч. 3 ст. 159 УК РФ и М. — по ч. 5 ст. 33, ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Р., П. и другие признаны виновными в хищении путем мошенничества денежных средств, принадлежащих вкладчикам жилищно-строительного кооператива (далее — ЖСК), организованной группой, в крупном и особо крупном размерах. Ш. признан виновным в хищении путем мошенничества денежных средств вкладчиков ЖСК в крупном размере, а М. — в содействии в мошенничестве, т.е. в содействии в хищении денежных средств путем мошенничества, совершенного организованной группой, в особо крупном размере.

За потерпевшими судом признано право на удовлетворение гражданских исков о возмещении материального ущерба, вопрос о размере возмещения причиненного им ущерба передан на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства. При этом сохранен до полного возмещения потерпевшим ущерба арест, наложенный в ходе досудебного производства по уголовному делу, в том числе на двухкомнатную квартиру и на автомашину, право собственности на которые не оспорено заинтересованными лицами и зарегистрировано за Я. (прежняя фамилия — С.).

Я. участвовала в производстве по данному уголовному делу в качестве свидетеля. Данных о том, что она привлекалась в качестве подозреваемой

или обвиняемой в совершении преступлений, в результате которых потерпевшим причинен материальный ущерб, либо в качестве гражданского ответчика или лица, обязанного возместить ущерб, причиненный виновными, не имеется.

Как усматривается из материалов дела, 16 октября 2006 г. между Я. (покупателем) и ЖСК “Р” (продавцом) был заключен договор купли-продажи двухкомнатной квартиры. Из выписки из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним от 22 ноября 2013 г. следует, что собственником двухкомнатной квартиры является Я.

22 августа 2008 г. между С. (Я.) и ООО “А” был заключен договор купли-продажи автомобиля, который после исполнения покупателем обязательств по кредитному договору на основании акта приема-передачи от 15 декабря 2010 г. передан Я.

Право собственности Я. на вышеуказанное имущество никем не оспорено.

В своем обращении в Конституционный Суд РФ Я. оспорила конституционность положений ч. 1 ст. 73, ч. 1 ст. 299 и ст. 307 УПК РФ.

Председатель Верховного Суда РФ в представлении поставил вопрос о возобновлении производства по уголовному делу в части решения, затрагивающего права и законные интересы гражданки Я., ввиду новых обстоятельств — в связи с вынесением Конституционным Судом РФ Постановления от 17 апреля 2019 г. № 18-П.

Президиум Верховного Суда РФ 18 сентября 2019 г. удовлетворил представление по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ч. 4 ст. 413 УПК РФ признание Конституционным Судом РФ закона, примененного судом в данном уголовном деле, не соответствующим Конституции Российской Федерации является новым обстоятельством.

Конституционный Суд РФ 17 апреля 2019 г. вынес Постановление № 18-П “По делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.В. Янмаевой”, в соответствии с которым ч. 1 ст. 73, ч. 1 ст. 299 и ст. 307 УПК РФ признаны не соответствующими ч. 1 ст. 35 и ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, данные нормы позволяют сохранить после вступления приговора в законную силу арест, наложенный в рамках производства по уголовному делу на имущество лица, не являющегося обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за его действия, в целях обеспечения гражданского иска.

На основании изложенного Президиум Верховного Суда РФ возобновил производство по уголовному делу ввиду новых обстоятельств и отменил апелляционный приговор в части решения о сохранении ареста, наложенного в ходе досудебного производства по уголовному делу на имущество Я. (на двухкомнатную квартиру и на автомашину), и снял арест с указанного имущества.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ СУДОВ РЕСПУБЛИК, КРАЕВЫХ И ОБЛАСТНЫХ СУДОВ

1. Разбирательство уголовного дела в суде производится только в отношении подсудимых, и использование в приговоре формулировок, свидетельствующих о виновности в совершении преступления других лиц, не допускается

*Постановление президиума
Верховного Суда Республики Ингушетия
от 4 апреля 2018 г.*

(Извлечение)

По приговору Малгобекского городского суда Республики Ингушетия от 23 июля 2009 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) Г., О. и А. осуждены по ч. 3 ст. 162 УК РФ.

В кассационной жалобе адвокат в защиту интересов М. просил исключить из описательно-мотивировочной части приговора сведения о совершении осужденными преступления совместно с М., уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство в связи с его розыском.

Президиум Верховного Суда Республики Ингушетия 4 апреля 2018 г. кассационную жалобу удовлетворил по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению.

Суд не должен допускать в приговоре формулировок, свидетельствующих о виновности в совершении преступления других лиц.

Указанные ограничения в части того, что недопустимо употребление в приговоре формулировок, предпрещающих выводы суда о причастности к преступлению лица, уголовное дело в отношении которого по существу не рассматривалось, содержались в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 “О судебном приговоре” (в редакции, действовавшей в период рассмотрения уголовного дела) и сохранились в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 “О судебном приговоре”.

Если уголовное дело в отношении иных обвиняемых выделено в отдельное производство, в приговоре указывается, что преступление совершено подсудимым совместно с иными лицами без упоминания их фамилий, но с указанием принятого в отношении их процессуального решения.

В связи с розыском М. уголовное дело в отношении его выделено в отдельное производство.

Судом первой инстанции было рассмотрено уголовное дело по обвинению Г., О. и А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 162 УК РФ. Признав указанных лиц виновными, суд в нарушение требований закона указал в приговоре, что преступление совершено ими совместно с М.

Допущенное судом нарушение положений уголовно-процессуального закона является существенным, повлиявшим на исход дела.

С учетом изложенного президиум Верховного Суда Республики Ингушетия изменил приговор: заменил в описательно-мотивировочной части приговора фамилию “М.” на “иное лицо, дело в отношении которого выделено в отдельное производство и оно объявлено в розыск”.

2. Исправительные работы не могут быть назначены иностранному гражданину, не имеющему места постоянного проживания и разрешения на работу на территории Российской Федерации

*Постановление президиума
Хабаровского краевого суда
от 1 октября 2018 г.*

(Извлечение)

По приговору Центрального районного суда г. Хабаровска от 16 февраля 2018 г. К. осужден по ч. 1 ст. 264 УК РФ к одному году восьми месяцам принудительных работ с удержанием 15% заработка в доход государства с лишением права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами сроком на три года.

Апелляционным постановлением Хабаровского краевого суда от 31 мая 2018 г. приговор изменен, К. назначено наказание по ч. 1 ст. 264 УК РФ в виде одного года шести месяцев исправительных работ с удержанием 10% заработка в доход государства.

В кассационной жалобе К. просил изменить состоявшиеся судебные решения, поскольку он незаконно пребывает на территории Российской Федерации и у него отсутствует возможность исполнить назначенное наказание.

Президиум Хабаровского краевого суда 1 октября 2018 г. изменил приговор и апелляционное постановление, назначил К. наказание в виде штрафа в размере 100 тыс. рублей, указав в обоснование следующее.

Из материалов уголовного дела усматривается, что К. является гражданином Республики Узбекистан.

В соответствии с п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 “О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания” при наличии обстоятельств, препятствующих в соответствии с ч. 1 ст. 56 УК РФ назначению наказания в виде лишения свободы, иностранным гражданам, лицам без гражданства, а также лицам, не имеющим места постоянного проживания на территории Российской Федерации, по статьям Особенной части УК РФ, в санкциях которых предусмотрено только лишение свободы и ограничение свободы, следует назначать более мяг-

кое наказание, чем предусмотрено соответствующей статьёй, без ссылки на ст. 64 УК РФ.

Суд апелляционной инстанции, установив, что К. является иностранным гражданином, назначил ему наказание в виде исправительных работ.

Между тем с учетом разъяснения, изложенного в п. 14 упомянутого выше постановления Пленума Верховного Суда РФ, наказания в виде обязательных работ и исправительных работ предполагают привлечение осужденного к труду, с учетом этого суд должен выяснять трудоспособность такого лица, наличие или отсутствие у него ос-

новного места работы, место постоянного жительства, а также другие свидетельствующие о возможности исполнения этих видов наказаний обстоятельства.

Суд апелляционной инстанции при назначении К. наказания в виде исправительных работ не учел, что у осужденного с 3 февраля 2018 г. отсутствовало разрешение на временное проживание и работу на территории Российской Федерации.

Допущенное судом существенное нарушение положений уголовного закона повлияло на исход дела и справедливость назначенного К. наказания.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 4 (2019)¹

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Споры, возникающие из обязательственных правоотношений

25. Если установленная уполномоченным органом плата за содержание и ремонт жилых помещений для нанимателя жилых помещений по договору социального найма и договору найма жилых помещений государственного или муниципального жилищного фонда в многоквартирном доме, управление которым осуществляется управляющей организацией, меньше, чем плата, установленная договором управления, оставшаяся часть платы вносится наймодателем этого жилого помещения.

Решением общего собрания собственников жилых помещений многоквартирного дома общество выбрано управляющей организацией этого дома.

Наймодателем нескольких жилых помещений в этом доме является федеральное казенное учреждение (далее — учреждение).

По договорам социального найма названные жилые помещения переданы нанимателям.

Постановлением уполномоченного органа местного самоуправления установлена плата за содержание и ремонт жилых помещений для нанимателей жилых помещений по договорам социального найма и договорам найма жилых помещений государственного или муниципального жилищного фонда в размере 14 руб. 56 коп./кв.м.

В соответствии с протоколом общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме и договором управления этим многоквартирным домом тариф на содержание и текущий ремонт составил 22 руб. 88 коп./кв.м.

Таким образом, размер платы, вносимой нанимателем по тарифу, установленному органом местного самоуправления, оказался меньше, чем размер платы, установленный договором управления.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к учреждению о взыскании задолженности, составляющей разницу между подлежащей уплате суммой по договору и суммой, уплаченной нанимателями, а также неустойки по день фактической оплаты.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апел-

ляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В силу ч. 4 ст. 154 ЖК РФ (в редакции, действовавшей в спорный период) плата за жилое помещение и коммунальные услуги для нанимателя жилого помещения, занимаемого по договору социального найма или договору найма жилого помещения государственного или муниципального жилищного фонда, включает в себя плату за содержание и ремонт жилого помещения, в том числе плату за услуги и работы по управлению многоквартирным домом, содержанию и текущему ремонту общего имущества в многоквартирном доме. Капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме проводится за счет собственника жилищного фонда.

Согласно ч. 3 ст. 156 ЖК РФ размер платы за содержание жилого помещения для нанимателей жилых помещений по договорам социального найма и договорам найма жилых помещений государственного или муниципального жилищного фонда и размер платы за содержание жилого помещения для собственников жилых помещений, которые не приняли решение о выборе способа управления многоквартирным домом, устанавливаются органами местного самоуправления.

В муниципальном образовании, в котором находился спорный многоквартирный дом, для многоквартирных домов, в отношении которых нет специального акта органа местного самоуправления об установлении размера такой платы, ее размер на основании постановления уполномоченного органа составил 14 руб. 56 коп./кв.м.

В соответствии с ч. 4 ст. 155 ЖК РФ наниматели жилых помещений по договору социального найма и договору найма жилых помещений государственного или муниципального жилищного фонда в многоквартирном доме, управление которым осуществляется управляющей организацией, вносят плату за содержание и ремонт жилого помещения, а также плату за коммунальные услуги этой управляющей организации, за исключением случая, предусмотренного ч. 7¹ этой статьи. Если размер вносимой нанимателем жилого помещения платы меньше, чем размер платы, установленный договором управления, ос-

¹Окончание. Начало в № 6, 2020 г.

тавшаяся часть платы вносится наймодателем этого жилого помещения в согласованном с управляющей организацией порядке.

Плата за содержание жилого помещения для нанимателей в меньшем размере обусловлена, в частности, тем, что они не участвуют в общем собрании собственников помещений многоквартирного дома, к компетенции которого отнесено определение размера этой платы (ч. 7 ст. 156, ст.ст. 45—48 ЖК РФ), и не могут влиять на ее размер.

В силу приведенных правовых норм возложение на нанимателей обязанности по внесению платы за содержание жилого помещения в размере, превышающем установленный органом местного самоуправления размер этой платы, не допускается.

Отсутствие договорных отношений между обществом и наймодателем по вопросу внесения разницы, образующейся в случае установления договором управления платы, превышающей плату, предусмотренную для нанимателей жилых помещений, не является основанием для возложения таких расходов на нанимателей либо для отказа в иске.

Частью 4 ст. 155 ЖК РФ обязанность внести управляющей организации спорную разницу возлагается на наймодателя.

Определение № 309-ЭС19-378

26. Плата за коммунальную услугу в размере повышающего коэффициента к соответствующему нормативу потребления в связи с отсутствием индивидуального прибора учета подлежит взиманию с собственника, а не нанимателя помещения.

Общество осуществляет управление несколькими многоквартирными домами (далее — МКД), в которых некоторые помещения находились в собственности публично-правового образования и были переданы гражданам на основании договоров социального найма. Данные помещения не оборудованы индивидуальными приборами учета (далее — ИПУ) электроэнергии.

Государственное казенное учреждение (далее — учреждение) наделено полномочиями по представлению интересов публично-правового образования как собственника помещений в МКД.

Общество, полагая, что собственником не исполнена предусмотренная законом обязанность по оснащению ИПУ находящихся в собственности публично-правового образования жилых помещений в МКД, обратилось к учреждению с требованием об уплате задолженности, составляющей разницу между платой за электроснабжение по нормативу потребления с учетом повышающего коэффициента и начисленной нанимателям платой за электроснабжение по нормативу потребления.

Решением суда первой инстанции иски о взыскании удовлетворены.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Частью 4 ст. 13 Федерального закона от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ “Об энергоснабжении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодатель-

ные акты Российской Федерации” (далее — Закон об энергоснабжении) на собственников зданий, строений, сооружений и иных объектов, которые введены в эксплуатацию на день вступления в силу указанного Закона и при эксплуатации которых используются энергетические ресурсы, возложена обязанность до 1 января 2011 г. завершить оснащение таких объектов приборами учета используемых воды, природного газа, тепловой энергии, электрической энергии, а также ввод установленных приборов учета в эксплуатацию.

В отношении МКД обязанность обеспечить оснащение жилых или нежилых помещений приборами учета, ввод установленных приборов учета в эксплуатацию, их надлежащая техническая эксплуатация, сохранность и своевременная замена возлагается Правилами предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденными постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354 (далее — Правила), на собственников этих помещений (п. 81).

Таким образом, действующее законодательство возлагает на собственника помещения в МКД обязанность по оборудованию этого помещения приборами учета независимо от того, относится ли оно к государственному (муниципальному) или частному жилищному фонду, и от того, использует ли собственник принадлежащее ему помещение для проживания или сдает это помещение внаем другим лицам.

Частью 1 ст. 157 ЖК РФ (в ред. Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 176-ФЗ) предусмотрено, что при расчете платы за коммунальные услуги для собственников помещений в МКД, которые имеют установленную законодательством Российской Федерации обязанность по оснащению принадлежащих им помещений приборами учета используемых воды, электрической энергии и помещения которых не оснащены такими приборами учета, применяются повышающие коэффициенты к нормативу потребления соответствующего вида коммунальной услуги в размере и в порядке, которые установлены Правительством РФ.

В соответствии с п. 42 Правил (в редакции постановлений Правительства РФ от 29 июня 2016 г. № 603, от 26 декабря 2016 г. № 1498) при отсутствии индивидуального или общего (квартирного) прибора учета холодной воды, горячей воды, электрической энергии и в случае наличия обязанности установки такого прибора учета размер платы за коммунальную услугу по холодному водоснабжению, горячему водоснабжению и (или) электроснабжению определяется исходя из норматива потребления коммунальной услуги по холодному водоснабжению, горячему водоснабжению и (или) электроснабжению с применением повышающего коэффициента, величина которого в 2016 году принимается равной 1,4, а с 1 января 2017 г. — 1,5. Этот коэффициент не применяется при наличии акта обследования на предмет установления наличия (отсутствия) технической возможности установки индивидуального, общего (квартирного) прибора учета холодной воды, горячей воды и (или) электрической энергии, подтверждающего отсутствие технической возможности установки такого прибора учета, начиная с расчетного периода, в котором составлен такой акт.

Следовательно, применение повышающего коэффициента к нормативу потребления соответствующей коммунальной услуги обусловлено,

во-первых, наличием предусмотренной действующим законодательством обязанности по оснащению помещения приборами учета используемых воды, электрической энергии, во-вторых, отсутствием в помещении таких приборов учета, когда имеется техническая возможность их установки. При этом отсутствие такой технической возможности доказывает собственник помещения.

Поскольку законодательством обязанность по оснащению жилого помещения в МКД возлагается на его собственника, а учреждение как представитель собственника спорных жилых помещений не ссылалось на отсутствие технической возможности установки ИПУ в этих помещениях, у судов апелляционной инстанции и округа отсутствовали основания для освобождения собственника от обязанности внесения платы, обусловленной отсутствием ИПУ в принадлежащих ему помещениях.

Данное судом первой инстанции толкование приведенных норм жилищного законодательства как исключающих возможность возложения неблагоприятных имущественных последствий (применение повышающего коэффициента) за несовершение действий по оборудованию жилых помещений приборами учета потребляемых ресурсов на лиц (нанимателей), не уполномоченных в силу закона на самостоятельное решение вопроса об оснащении этих помещений приборами учета и не несущих обязанности по их установке, является правильным.

Определения № 307-ЭС19-6279, 307-ЭС19-5911

27. Сетевая организация вправе провести проверку прибора учета не в месте его установки, в том числе посредством передачи прибора на исследование (экспертизу), когда у сетевой организации имеются обоснованные сомнения в исправности прибора и нет технической возможности выявить неисправность на месте. При этом сетевая организация обязана уведомить потребителя о предстоящем исследовании с тем, чтобы предоставить последнему возможность защиты его прав и законных интересов и составить акт не позднее предусмотренного законодательством максимального срока для проведения проверки.

Гарантирующим поставщиком (заказчиком) и сетевой компанией (исполнителем) заключен договор на оказание услуг по передаче электрической энергии (мощности) и покупки электрической энергии для компенсации потерь в электрических сетях, в соответствии с которым ежемесячно в порядке, определенном в приложении к договору, исполнитель самостоятельно и (или) с привлечением территориальных сетевых организаций (ТСО) определяет объемы переданной по договору (поставленной потребителям заказчика) электроэнергии. Исполнитель самостоятельно и (или) с привлечением ТСО в порядке, определенном в приложении к договору, выявляет, актирует факты безучетного потребления и определяет объемы безучетно потребленной потребителями заказчика электроэнергии.

Приложением к договору предусмотрено, что суммарное количество объемов электроэнергии, определенное по актам безучетного потребления, составленным в расчетном периоде, подлежит включению в объем поставленной потребителям заказчика электроэнергии, в объем оказанных за расчетный период услуг по передаче электроэнергии, вычитанию из объема электрической энергии, приобретаемой исполнителем в целях компенсации потерь электроэнергии в сетях, определенного в установленном порядке за период,

в котором составленный надлежащим образом акт безучетного потребления передан заказчику.

В отношении индивидуального предпринимателя сетевая компания составила акт о неучтенном потреблении электрической энергии, согласно которому безучетное потребление выявлено в ходе проверки объекта энергоснабжения — фермы. В ходе проверки прибор учета демонтирован и направлен на исследование, взамен него сетевая организация установила другой прибор учета. По расчетам сетевой компании, объем безучетного потребления электрической энергии, подлежащий включению в полезный отпуск электроэнергии, составил 151 380 кВт·ч.

Направленный сетевой компанией акт о неучтенном потреблении возвращен гарантирующим поставщиком со ссылкой на нарушение порядка его оформления.

Сетевая компания обратилась в суд с иском к гарантирующему поставщику об обязанности включить в полезный отпуск электрической энергии (в объем оказанных услуг по передаче электрической энергии) 309 118 кВт·ч, исключив указанный объем из потерь.

Решением суда первой инстанции исковые требования удовлетворены в части 157 738 кВт·ч электрической энергии, приходящейся на предпринимателя, с одновременным исключением указанного объема из потерь. В удовлетворении остальной части исковых требований отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, исковые требования удовлетворены в полном объеме.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа в части включения в объем полезного отпуска 151 380 кВт·ч электрической энергии и исключения данного объема из объема потерь электрической энергии, в указанной части оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Обязанность по обеспечению безопасности эксплуатации находящихся в ведении абонента энергетических сетей и исправности используемых им приборов и оборудования, связанных с потреблением и учетом энергии, в том числе сохранности и целостности прибора учета, а также пломб и (или) знаков визуального контроля, возложена на абонента (ст.ст. 539, 543 ГК РФ, п. 145 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442 (далее — Основные положения), п. 1.2.2 Правил технической эксплуатации электроустановок потребителей, утвержденных приказом Минэнерго России от 13 января 2003 г. № 6).

Согласно п. 167 Основных положений субъектов электроэнергетики, обеспечивающие снабжение электрической энергией потребителей, в том числе гарантирующие поставщики (энергосбытовые, энергоснабжающие организации) и сетевые организации, проверяют соблюдение потребителями (производителями электрической энергии (мощности) на розничных рынках) требований названного нормативного акта, определяющих порядок учета электрической энергии, условий заключенных договоров энергоснабжения (купли-продажи (поставки) электрической энергии (мощности)), договоров оказания услуг по передаче

электрической энергии, договоров оказания услуг оперативно-диспетчерского управления, а также проводят проверки на предмет выявления фактов безучетного и бездоговорного потребления электрической энергии.

В соответствии с п. 2 Основных положений под безучетным потреблением понимается потребление электрической энергии с нарушением установленного договором энергоснабжения (купли-продажи (поставки) электрической энергии (мощности), договором оказания услуг по передаче электрической энергии) и Основными положениями порядка учета электрической энергии со стороны потребителя (покупателя), выразившимся во вмешательстве в работу прибора учета (системы учета), обязанность по обеспечению целостности и сохранности которого (которой) возложена на потребителя (покупателя), в том числе в нарушении (повреждении) пломб и (или) знаков визуального контроля, нанесенных на прибор учета (систему учета), в несоблюдении установленных договором сроков извещения об утрате (неисправности) прибора учета (системы учета), а также в совершении потребителем (покупателем) иных действий (бездействия), которые привели к искажению данных об объеме потребления электрической энергии (мощности).

Из приведенного определения следует, что безучетное потребление электрической энергии действующее законодательство обуславливает совершением потребителем различных действий, одни из которых являются основанием для квалификации в качестве безучетного потребления в силу факта их совершения потребителем, тогда как другие действия для подобной квалификации должны привести к искажению данных об объеме потребления электрической энергии. Бремя доказывания наличия иных действий (бездействия), которые привели к искажению данных об объеме потребления электрической энергии (мощности), возлагается на лицо, проводящее проверку.

Потребитель — собственник прибора учета, приобретший прибор учета с вмонтированным в него посторонним электронным устройством, влияющим на работу прибора, признается совершившим действия, которые квалифицируются как иные, не связанные с вмешательством в работу прибора учета и приведшие к искажению данных об объеме потребления электрической энергии. Отсутствие явных признаков вмешательства в работу прибора учета, в том числе повреждения пломб и (или) знаков визуального контроля, не освобождает потребителя от последствий, наступающих при установлении факта безучетного потребления электрической энергии.

Между тем следствием выявления безучетного потребления электрической энергии является исчисление ее объемов в расчетах между гарантирующим поставщиком и потребителем, а также объемов полезного отпуска и потерь электрической энергии в расчетах между сторонами договора оказания услуг по передаче электрической энергии расчетным путем исходя из максимального потребления ресурса энергопринимающими устройствами потребителя за период с предыдущей проверки, т.е. влечет для потребителя такие последствия, при которых потребление энергоресурса с нарушением правил учета становится для него невыгодным.

В связи с этим законодательством предусмотрены определенные требования к процедуре проведения проверки и порядку фиксации ее результатов. Так, согласно абз. 2 п. 172 Основных поло-

жений проверки расчетных приборов учета включают визуальный осмотр схемы подключения энергопринимающих устройств (объектов по производству электрической энергии (мощности)) и схем соединения приборов учета, проверку соответствия приборов учета установленным требованиям, проверку состояния прибора учета, наличия и сохранности контрольных пломб и знаков визуального контроля, а также снятие показаний приборов учета. Указанная проверка должна проводиться не реже 1 раза в год и может проводиться в виде инструментальной проверки. Результатом такой проверки является составление акта проверки (п. 176 Основных положений), а в случае безучетного потребления — акта о неучтенном потреблении (п. 193 Основных положений).

При этом сетевая компания должна обеспечить участие потребителя (представителя) в проверке и при составлении актов. Принимая во внимание, что проверка прибора учета завершается составлением сетевой организацией итогового документа о ее проведении, все действия проверяющего лица в отношении прибора учета до составления соответствующего акта являются продолжением проверки.

Основными положениями не регламентировано проведение проверки прибора учета не в месте его установки, в том числе посредством передачи прибора на исследование (экспертизу), что само по себе не исключает такой возможности в ситуации, когда у сетевой организации имеются обоснованные сомнения в исправности прибора и нет технической возможности выявить неисправность на месте.

В целях сохранения баланса интересов сторон договора энергоснабжения (отношений по передаче электрической энергии и покупки ее для компенсации потерь) праву сетевой организации на проведение исследования прибора учета как своими силами, так и силами сторонних организаций корреспондирует обязанность уведомить потребителя о предстоящем исследовании с тем, чтобы предоставить последнему возможность присутствовать на вскрытии транспортировочных пломб, пломб и (или) знаков визуального контроля, нанесенных на прибор учета, вскрытии прибора учета, собственником которого он является, при исследовании прибора использовать средства фотосъемки и (или) видеозаписи, а также аргументированно возражать в случае несогласия с результатами исследования и проверки в целом и получить прибор для возможного последующего экспертного исследования.

О передаче прибора учета специалистам для согласования даты вскрытия и непосредственно исследования предприниматель не уведомлен, что сетевая организация не отрицала. Прибор учета предпринимателю не возвращен.

При рассмотрении дела предприниматель ссылался на нарушение его прав при проведении исследования, однако суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа этому доводу надлежущей оценки не дали.

В отношении момента составления акта о неучтенном потреблении необходимо отметить, что отсутствие в Основных положениях нормативного определения границ допустимого срока составления акта о неучтенном потреблении само по себе не свидетельствует о возможности субъектов электроэнергетики (гарантирующих поставщиков, сетевых компаний и пр.) определять его произвольно. Из системного толкования раздела X Основных положений (пп. 172, 192, 193)

следует, что акт о безучетном потреблении электрической энергии составляется непосредственно по месту нахождения энергопринимающих устройств при проведении проверки потребителя, а в случае отсутствия потребителя — в срок, необходимый для его извещения о составлении акта. С учетом конкретных обстоятельств проверки оформление акта о неучтенном потреблении может быть отложено, однако такой срок, следуя предусмотренной п. 172 Основных положений периодичности плановой проверки (1 год), не должен превышать этот срок.

Исходя из представлений о разумном ожидаемом поведении добросовестных участников правоотношений в части сроков принятия акта, завершающего процедуру проверки (в данном случае акта о неучтенном потреблении), действия сетевой компании, не раскрывающей объективные причины, которые препятствовали составлению акта о неучтенном потреблении при выявлении факта безучетного потребления, подлежали исследованию и оценке судами наряду с иными обстоятельствами рассматриваемого дела.

Суд первой инстанции, оценив имеющиеся в деле доказательства, проанализировав обстоятельства проведения проверки, выявления факта безучетного потребления, содержание акта о неучтенном потреблении и обстоятельства его составления, сделал правильный вывод о том, что с учетом допущенных сетевой компанией нарушений оснований для применения последствий безучетного потребления предпринимателем электрической энергии не имеется, а спорный объем электрической энергии неправомерно включен в объем полезного отпуска сетевой компании с уменьшением объема потерь.

Определение № 309-ЭС18-22373

Практика применения законодательства о защите конкуренции

28. Отказ конкурсного управляющего от исполнения государственного контракта в связи с требованиями, установленными законодательством о банкротстве, не является основанием для включения антимонопольным органом сведений в отношении должника в реестр недобросовестных поставщиков.

Между учреждением и обществом заключен государственный контракт на строительство и реконструкцию автомобильной дороги.

Решением арбитражного суда общество признано несостоятельным (банкротом) и в отношении должника открыто конкурсное производство.

В связи с признанием несостоятельным (банкротом) общество прекратило исполнять обязательства по государственному контракту.

Неисполнение обязательств по контракту послужило основанием для принятия учреждением решения об одностороннем отказе от исполнения контракта и направления в антимонопольный орган обращения о включении сведений в отношении общества в реестр недобросовестных поставщиков.

Решением антимонопольного органа сведения, представленные в отношении общества, включены в реестр недобросовестных поставщиков.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения антимонопольного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда ок-

руга, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Суды исходили из соблюдения заказчиком порядка одностороннего отказа от исполнения государственного контракта и наличия у антимонопольного органа правовых оснований для включения в реестр недобросовестных поставщиков сведений в отношении общества, которым допущено ненадлежащее исполнение обязательств по контракту.

При этом суды отметили, что решением арбитражного суда оставлены без удовлетворения требования учреждения об оспаривании одностороннего отказа общества от исполнения контракта.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Согласно ч. 2 ст. 104 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд” (далее — Закон № 44-ФЗ) в реестр недобросовестных поставщиков включается информация об участниках закупок, уклонившихся от заключения контрактов, а также о поставщиках (подрядчиках, исполнителях), с которыми контракты расторгнуты по решению суда или в случае одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта в связи с существенным нарушением ими условий контрактов.

В соответствии с ч. 6 ст. 104 Закона № 44-ФЗ в случае расторжения контракта по решению суда или в случае одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта заказчик в течение трех рабочих дней с даты расторжения контракта направляет в федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление контроля в сфере закупок, информацию, предусмотренную ч. 3 ст. 104 Закона № 44-ФЗ, а также копию решения суда о расторжении контракта или в письменной форме обоснование причин одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта.

В течение десяти рабочих дней с даты поступления документов и информации, указанных в чч. 4—6 ст. 104 этого Закона, федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление контроля в сфере закупок, осуществляет проверку содержащихся в названных документах и информации фактов. В случае подтверждения достоверности этих фактов федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление контроля в сфере закупок, включает информацию, предусмотренную ч. 3 ст. 104 данного Закона, в реестр недобросовестных поставщиков в течение трех рабочих дней с даты подтверждения этих фактов (ч. 7 ст. 104 Закона № 44-ФЗ).

При рассмотрении дела в судебных инстанциях общество приводило доводы о том, что ч. 2 ст. 104 Закона № 44-ФЗ предусмотрена возможность включения в реестр недобросовестных поставщиков только сведений о поставщиках (подрядчиках, исполнителях), с которыми контракты расторгнуты по решению суда или в случае одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта в связи с существенным нарушением ими условий контрактов.

Данные положения Закона, по мнению общества, неприменимы, поскольку первоначально отказ от исполнения государственного контракта

осуществлен конкурсным управляющим общества на основании решения кредиторов о прекращении хозяйственной деятельности должника и в соответствии с п. 2 ст. 102, п. 3 ст. 129 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон о банкротстве).

Требование заказчика о признании недействительным отказа общества от исполнения государственного контракта решением арбитражного суда, вступившим в законную силу, оставлено без удовлетворения.

Основанием для такого вывода суда послужило признание общества несостоятельным (банкротом) и наличие в связи с этим у конкурсного управляющего права на отказ от исполнения государственного контракта, предусмотренного пп. 1 и 2 ст. 102, п. 3 ст. 129 Закона о банкротстве. Порядок отказа конкурсного управляющего от исполнения сделки признан судом соблюденным.

При таких обстоятельствах у антимонопольного органа не имелось правовых оснований для вывода о соблюдении учреждением порядка одностороннего отказа от исполнения уже расторгнутого контракта и включения в реестр недобросовестных поставщиков сведений об обществе, в действиях которого отсутствует недобросовестность.

Вместе с тем в силу п. 3 ст. 129 указанного Закона конкурсный управляющий вправе заявить отказ от исполнения договоров и иных сделок в порядке, установленном ст. 102 данного Закона.

В соответствии со ст. 102 Закона о банкротстве внешний управляющий в течение трех месяцев с даты введения внешнего управления вправе отказаться от исполнения договоров и иных сделок должника. Отказ от исполнения договоров и иных сделок должника может быть заявлен только в отношении сделок, не исполненных сторонами полностью или частично, если такие сделки препятствуют восстановлению платежеспособности должника или если исполнение должником таких сделок повлечет убытки для должника по сравнению с аналогичными сделками, заключаемыми при сравнимых обстоятельствах.

В случаях, предусмотренных п. 2 ст. 102 Закона, договор считается расторгнутым с даты получения всеми сторонами по такому договору заявления внешнего управляющего об отказе от исполнения договора.

Отказ конкурсного управляющего от исполнения контракта при изложенных обстоятельствах не относится к основаниям для включения сведений в отношении должника в реестр недобросовестных поставщиков, предусмотренным ч. 2 ст. 104 Закона № 44-ФЗ.

Определение № 305-ЭС19-4541

29. Антимонопольный орган не вправе выносить предупреждение о необходимости прекращения недобросовестной конкуренции и вторгаться в компетенцию других органов государственной власти, если действия хозяйствующего субъекта не содержат признаков нарушения антимонопольного законодательства.

Антимонопольным органом установлено, что общество при осуществлении торговой деятельности систематически реализует табачную продукцию с нарушением ограничений, установленных п. 2 ч. 7 ст. 19 Федерального закона от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ “Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака” (далее — Закон № 15-ФЗ), а именно с нарушением установленного данным Законом ограничения на розничную продажу табачной продукции в пределах рас-

стояния 100 метров от территории учебных заведений.

В связи с этим антимонопольный орган усмотрел в действиях общества признаки ведения недобросовестной конкуренции и на основании положений ст.ст. 14⁸, 39¹ Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ “О защите конкуренции” (далее — Закон № 135-ФЗ) выдал предупреждение, в котором указал обществу на необходимость прекращения названных выше действий.

Основанием для вынесения предупреждения послужил вывод антимонопольного органа о том, что действия общества по продаже табачных изделий с нарушением установленных Законом № 15-ФЗ ограничений ставят данного хозяйствующего субъекта в более выгодное положение на рынке по отношению к добросовестным участникам розничной торговли, реализующим табачную продукцию с учетом установленных запретов и располагающим свои торговые точки за пределами 100-метровой зоны от учебных заведений.

Не согласившись с выданным предупреждением, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании предупреждения незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении требования отказано.

По мнению судов, антимонопольный орган был вправе вынести оспариваемое предупреждение, не устанавливая как таковое событие нарушения антимонопольного законодательства со стороны общества, поскольку для решения вопроса о выдаче предупреждения достаточно обнаружения лишь признаков правонарушения, а не его факта. Суды отклонили доводы общества об отсутствии у антимонопольного органа полномочий по контролю за соблюдением законодательства об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и по вынесению оспариваемого предупреждения в связи с нарушениями этого законодательства, отметив, что реализация табачной продукции с нарушением п. 2 ч. 7 ст. 19 Закона № 15-ФЗ является формой проявления недобросовестной конкуренции по отношению к иным хозяйствующим субъектам.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и удовлетворила требования общества по следующим основаниям.

В силу ч. 1 ст. 39¹ Закона № 135-ФЗ предупреждение выносится в целях пресечения действий (бездействия), которые приводят или могут привести к недопущению, ограничению, устранению конкуренции и (или) ущемлению интересов других лиц (хозяйствующих субъектов) в сфере предпринимательской деятельности либо ущемлению интересов неопределенного круга потребителей.

Предупреждение должно содержать выводы о наличии оснований для его выдачи; нормы антимонопольного законодательства, которые нарушены действиями (бездействием) лица, которому выдается предупреждение; перечень действий, направленных на прекращение нарушения антимонопольного законодательства, устранение причин и условий, способствовавших возникновению такого нарушения, устранение последствий такого нарушения, а также разумный срок их выполнения (ч. 4 ст. 39¹ Закона № 135-ФЗ).

Следовательно, антимонопольный орган при проведении государственного контроля (надзо-

ра) не вправе вторгаться в предметную (ведомственную) компетенцию иных государственных органов и выносить предупреждения в связи с установлением признаков нарушения законодательства в тех сферах отношений, которые ему не подконтрольны и не связаны с защитой конкуренции.

В рассматриваемом случае антимонопольный орган ссылаясь на наличие в действиях общества признаков совершения такого нарушения, как ведение недобросовестной конкуренции в форме, прямо не указанной в ст.ст. 14¹—14⁷ Закона № 135-ФЗ.

Согласно ч. 9 ст. 4 этого Закона под недобросовестной конкуренцией понимаются действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам — конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации.

В соответствии с данной нормой для квалификации поведения хозяйствующего субъекта в качестве недозволенной (недобросовестной) конкуренции значение имеет не как таковое соблюдение (нарушение) им гражданского или отраслевого законодательства, а иные обстоятельства: 1) является ли его поведение актом конкуренции — затрагивает права и законные интересы иных участвующих на рынке хозяйствующих субъектов и потребителей; 2) направлено ли оно на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности не за счет собственных экономических ресурсов, а за счет иных участников рынка — на причинение им действительных или потенциальных убытков, умаление деловой репутации; 3) совместим ли избранный хозяйствующим субъектом способ получения преимуществ с честным предпринимательством — отвечает ли он требованиям законодательства и (или) сложившимся в коммерческом обороте обычаям, представлениям о добропорядочности, разумности и справедливости (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26 апреля 2019 г. № 303-КГ18-23327).

При выдаче предупреждения, содержащего властное требование о необходимости прекращения недобросовестной конкуренции, антимонопольный орган в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 65 АПК РФ должен доказать, в чем состоят признаки не только недобросовестного (противоправного) поведения, но и признаки ведения недобросовестной конкуренции, прежде всего, признаки существования причинно-следственной связи между противоправным поведением хозяйствующего субъекта и получением выгод за счет своих конкурентов и потребителей.

Основаниями для вынесения оспариваемого предупреждения послужили кассовые чеки, подтверждающие продажу табачной продукции в магазинах общества, а также результаты исследования расстояний от магазинов до учебных учреждений, произведенного с использованием сервисов сети “Интернет”.

Однако эти доказательства могут свидетельствовать только о наличии признаков нарушения законодательства об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и по-

следствий потребления табака, а не нарушения антимонопольного законодательства.

Более того, в ст. 20 Закона № 15-ФЗ установлен запрет продажи табачной продукции несовершеннолетним. Соответственно, возможность существования конкуренции между магазинами розничной торговли табачной продукцией в отношении данной группы потребителей из числа обучающихся в образовательных учреждениях исключена законом.

Таким образом, при вынесении оспариваемого предупреждения антимонопольный орган вышел за пределы полномочий, предусмотренных ч. 1 ст. 3, чч. 1 и 4 ст. 39¹ Закона № 135-ФЗ, вторгшись в компетенцию органов, осуществляющих государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака.

Определение № 307-ЭС19-9220

Практика применения законодательства о налогах и сборах и об обязательных страховых взносах во внебюджетные фонды

30. Налоговый орган, длительное время осуществлявший администрирование субъекта предпринимательства как плательщика налогов по упрощенной системе налогообложения и обладавший информацией о нарушении порядка начала применения данного специального налогового режима, утрачивает право на принудительный перевод субъекта предпринимательства с упрощенной системой налогообложения на общую систему налогообложения по основанию, предусмотренному подп. 19 п. 3 ст. 346¹² НК РФ.

По результатам налоговой проверки общества за 2013—2015 гг. налоговый орган пришел к выводу о неправомерном применении упрощенной системы налогообложения (далее — УСН) в проверенный период, поскольку в 2007 году налогоплательщик утратил право на применение данного специального налогового режима и впоследствии в нарушение п. 5 ст. 346¹³ НК РФ не подал уведомление о начале его применения с 2013 года. На этом основании обществу доначислены налоги по общей системе налогообложения, а также штрафы, предусмотренные ст.ст. 119 и 122 НК РФ.

Не согласившись с доначислениями, общество оспорило их в арбитражном суде.

Суды трех инстанций отказали в удовлетворении требований общества, руководствуясь положениями подп. 19 п. 3 ст. 346¹² НК РФ. По мнению судов, общество, не направив уведомление о применении специального налогового режима, не вправе было применять УСН в 2013—2015 гг., а обязано было исчислять налоговые обязательства по общей системе налогообложения и исполнять обязанность по представлению налоговых деклараций, в том числе по НДС, налогам на прибыль и на имущество, в связи с чем у инспекции имелись правовые основания для принятия оспоренного решения.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные акты и удовлетворила требования общества, указав следующее.

В соответствии с п. 1 ст. 7 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации” спорный специальный налоговый режим установлен в целях реализации госу-

дарственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства.

Применение субъектами малого и среднего предпринимательства УСН носит уведомительный, а не разрешительный характер: правовое значение уведомления, направляемого согласно пп. 1 и 2 ст. 346¹³ НК РФ организациями и индивидуальными предпринимателями, изъявившими желание перейти на УСН, состоит не в получении согласия налогового органа на применение данного специального налогового режима, а в выражении волеизъявления субъектов предпринимательства на добровольное применение УСН и в обеспечении надлежащего администрирования налога, полноты и своевременности его уплаты.

При этом, как неоднократно отмечалось в решениях Конституционного Суда РФ, в силу требований ч. 1 ст. 1, ст. 2, ч. 1 ст. 17, ст.ст. 18, 19 и чч. 2 и 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации применение условий реализации прав и свобод должно осуществляться на основе принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства (в том числе Определения от 3 марта 2015 г. № 417-О, от 2 апреля 2015 г. № 583-О).

В свою очередь, налоговые органы, обладающие сведениями о нарушении налогоплательщиком процедуры начала применения УСН хозяйствующим субъектом, обязаны своевременно осуществлять налоговый контроль и принимать меры в отношении состоящих на учете налогоплательщиков, в том числе требовать представления налоговой отчетности, приостанавливать операции налогоплательщиков по счетам в банках в случае ее непредставления по установленной форме в отношении тех налогов, которые налогоплательщик обязан уплачивать (п. 2 ст. 22, подп. 1 и 5 п. 1 ст. 31, п. 2 ст. 32 НК РФ).

Принимая во внимание изложенное, принудительный перевод субъекта предпринимательства с УСН на общую систему налогообложения по результатам налоговой проверки не может выступать самостоятельной целью налогового контроля, а при возникновении спора, связанного с соблюдением хозяйствующим субъектом процедуры начала применения данного специального налогового режима, во внимание должны приниматься не только действия налогоплательщика, но и поведение налогового органа, связанное с обеспечением реализации прав и законных интересов налогоплательщика, соразмерность и своевременность принимаемых налоговым органом мер.

В случае когда хозяйствующий субъект выразил свое волеизъявление использовать УСН, фактически применяя этот специальный налоговый режим (сдавал налоговую отчетность, уплачивал авансовые и налоговые платежи), налоговый орган утрачивает право ссылаться на неполучение уведомления (получение уведомления с нарушением срока) и применять положения подп. 19 п. 3 ст. 346¹² НК РФ в качестве основания изменения статуса налогоплательщика, если ранее налоговым органом действия налогоплательщика, по сути, были одобрены.

Общество в проверяемом периоде соответствовало критериям для лиц, имеющих право на применение УСН, установленным в ст. 346¹² НК РФ, за исключением требования об уведомлении налогового органа, и применяло УСН в течение всего периода, в том числе в охваченный налоговой проверкой период (2013—2015 гг.), сдавало налоговую отчетность по УСН, исчисляло и уплачивало налоговые платежи по данному специ-

альному налоговому режиму без каких-либо возражений со стороны налогового органа.

Об изменениях в составе участников общества и утрате в связи с этим возможности применения УСН налоговому органу было известно с момента внесения изменений в учредительные документы и Единый государственный реестр юридических лиц (в период 2007—2012 гг.).

Инспекция, обладая сведениями о применении хозяйствующим субъектом УСН с нарушением процедуры, длительное время не требовала от общества представления отчетности по общей системе налогообложения и в течение всего охваченного налоговой проверкой периода не направляла обществу сообщение о несоответствии требованиям применения УСН, предусмотренное приказом ФНС России от 2 ноября 2012 г. № ММВ-7-3/829@. Такое сообщение направлено обществу только в 2016 году в преддверии начала выездной налоговой проверки.

Следовательно, осуществляя хозяйственный учет в качестве налогоплательщика, применяющего УСН, исчисляя и уплачивая данный налог, представляя по нему налоговую отчетность после устранения нарушения, предусмотренного подп. 14 п. 3 ст. 346¹² НК РФ, общество своими действиями подтвердило волеизъявление продолжать использовать специальный налоговый режим. В то же время инспекция как орган, осуществляющий регистрацию юридических лиц, будучи осведомленной об изменении состава участников общества в прошлом и о несоблюдении обществом порядка начала применения УСН, продолжила без каких-либо возражений принимать налоговые декларации за 2013—2015 гг., констатировала отсутствие нарушений законодательства о налогах и сборах по их завершении, т.е. осуществляла налоговое администрирование общества как плательщика налогов по УСН. При таких обстоятельствах сама по себе неподача обществом повторного уведомления о намерении продолжать уплачивать налог по УСН с 2013 года в данном случае не могла служить основанием для принятия инспекцией решения об отсутствии у налогоплательщика права на применение данного налогового режима.

В сложившейся ситуации инспекция утратила право ссылаться на подп. 19 п. 3 ст. 346¹² НК РФ в обоснование изменения статуса налогоплательщика, и положения данной нормы не могли служить основанием для доначисления налогов по общей системе налогообложения.

Определение № 310-ЭС19-1705

31. Машины и оборудование, выступавшие движимым имуществом при их приобретении и правомерно принятые на учет в качестве отдельных инвентарных объектов, не облагаются налогом на имущество организаций.

По результатам налоговой проверки налоговый орган вынес решение о доначислении обществу недоимки по налогу на имущество организаций, соответствующих пени и штрафа, предусмотренного ст. 122 НК РФ.

Вышестоящий налоговый орган оставил решение налоговой инспекции без изменения.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением, в котором просило признать принятое налоговой инспекцией решение недействительным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным судом, требования общества удовлетворены частично.

Постановлением арбитражного суда округа состоявшиеся по делу судебные акты оставлены без изменения.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила решение суда первой инстанции, постановления апелляционного суда и арбитражного суда округа и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Согласно материалам дела общество осуществляло строительство объекта, а также приобрело ряд объектов основных средств для производства готовой продукции, расположив их внутри здания.

Общество приняло к учету в качестве отдельных объектов основных средств здание цеха, трансформаторную подстанцию, а также установленные в здании объекты — оборудование линии по производству древесных гранул, поперечный транспортер подачи щепы, поперечный транспортер подачи щепы и опилок, поперечный транспортер подачи коры, автоматическая система защиты от пожаров и пылевых взрывов.

Основанием для отнесения объектов по налогу на имущество организаций, соответствующих сумм пеней и штрафа послужил вывод налогового органа о необходимости отнесения всех названных выше объектов к недвижимому имуществу (зданию и его составным частям) и неправомерном применении обществом п. 25 ст. 381 НК РФ об освобождении от налогообложения в отношении данных объектов.

Признавая законным решение налогового органа в части доначисления налога на имущество организаций, соответствующих сумм пени и штрафа, суд первой инстанции руководствовался положениями ст.ст. 130—134 ГК РФ и исходил из того, что к подлежащим налогообложению объектам недвижимости могут быть отнесены в том числе составные части объектов недвижимости — объекты основных средств, которые по совокупности признаков являются составной частью неделимой недвижимой вещи.

Суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа согласились с выводами суда первой инстанции.

Между тем судами не учтено следующее.

Как неоднократно указывалось Конституционным Судом РФ, по смыслу ст. 57 Конституции Российской Федерации в системной связи с ее ч. 1 ст. 1, чч. 2 и 3 ст. 15 и чч. 1 и 2 ст. 19 в Российской Федерации как правовом государстве законы о налогах должны содержать четкие и понятные нормы. Именно соблюдение конституционных предписаний относительно формальной определенности и полноты элементов налогового обязательства при формировании структуры налога и учет объективных характеристик экономико-правового содержания налога обеспечивают эффективность налогообложения и реальность его целей и позволяют налогоплательщикам своевременно уплатить налог, а налоговым органам — осуществлять контроль за действиями налогоплательщиков по уплате налоговых сумм в бюджет (Постановления от 6 июня 2019 г. № 22-П, от 21 декабря 2018 г. № 47-П, от 23 мая 2013 г. № 11-П, от 1 июля 2015 г. № 19-П).

Формальная определенность налоговых норм предполагает их достаточную точность, чем обеспечивается их правильное понимание и применение. Поэтому Налоговый кодекс РФ в п. 6 ст. 3 предписывает, что необходимые элементы налогообложения должны быть сформулированы таким

образом, чтобы каждый точно знал, какие налоги, когда и в каком порядке он обязан платить.

В соответствии с п. 1 ст. 38 и п. 1 ст. 374 НК РФ (в редакции, действовавшей в 2013—2015 гг.) возникновение обязанности по уплате налога на имущество организаций связывается с наличием у налогоплательщика движимого и недвижимого имущества, учитываемого на балансе в качестве объектов основных средств в порядке, установленном для ведения бухгалтерского учета.

Таким образом, определенность налогообложения при взимании налога на имущество организаций обеспечивается за счет использования установленных в бухгалтерском учете формализованных критериев признания имущества налогоплательщика (движимого и недвижимого) в качестве соответствующих объектов основных средств.

При этом в отношении объектов основных средств, принятых на учет с 1 января 2013 г. в качестве движимого имущества, установлено исключение из указанной выше обязанности по уплате налога (подп. 8 п. 4 ст. 374 НК РФ, введенный Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 202-ФЗ, и п. 25 ст. 381 НК РФ, введенный Федеральным законом от 24 ноября 2014 г. № 366-ФЗ).

Правила формирования в бухгалтерском учете информации об основных средствах организации установлены Положением по бухгалтерскому учету “Учет основных средств” ПБУ 6/01, утвержденным приказом Минфина России от 30 марта 2001 г. № 26н (далее — ПБУ 6/01), в соответствии с п. 5 которого рабочие и силовые машины и оборудование выделены в отдельный вид подлежащих учету объектов основных средств, отличный от зданий и сооружений.

Основой классификации объектов основных средств в бухгалтерском учете выступает Общероссийский классификатор основных фондов ОК 013-2014 (СНС 2008), введенный в действие приказом Росстандарта от 12 декабря 2014 г. № 2018-ст, и ранее действовавший Общероссийский классификатор основных фондов ОК 013-94, утвержденный постановлением Госстандарта России от 26 декабря 1994 г. № 359.

В соответствии с названными классификаторами оборудование не относится к зданиям и сооружениям, формируя самостоятельную группу основных средств, за исключением прямо предусмотренных в классификаторах случаев, когда отдельные объекты признаются неотъемлемой частью зданий и включаются в их состав (например, коммуникации внутри зданий, необходимые для их эксплуатации; оборудование встроенных котельных установок, водо-, газо- и теплопроводные устройства, а также устройства канализации).

Из содержания классификаторов также вытекает, что оборудование для осуществления процесса производства путем выполнения тех или иных технических функций, связанных с изменением предмета труда, в том числе установленное на фундаменте, по общему правилу не классифицируется в качестве сооружений (не отвечает определению понятия “сооружение”), а подлежит классификации в соответствующих группировках машин и оборудования.

Учитывая изложенное, если иное не следует из содержания ПБУ 6/01 и классификаторов основных фондов (основных средств), машины и оборудование, приобретенные как объекты движимого имущества, учитываются в бухгалтерском учете отдельно от зданий и сооружений в качестве самостоятельных инвентарных объек-

тов и согласно п. 1 ст. 374 НК РФ подлежат налогообложению в таком качестве. Соответственно, по общему правилу к машинам и оборудованию, выступавшим движимым имуществом при их приобретении и правомерно принятым на учет в качестве отдельных инвентарных объектов, применимы исключения из объекта налогообложения, предусмотренные подп. 8 п. 4 ст. 374 и п. 25 ст. 381 НК РФ.

Определение № 307-ЭС19-5241

32. Суммы субсидий, полученные унитарным предприятием на частичное возмещение затрат по содержанию и ремонту объектов имущества муниципального образования, не подлежат включению в налоговую базу по НДС.

Между администрацией и созданным ею предприятием заключены соглашения по предоставлению предприятию субсидий на частичное возмещение затрат по содержанию и ремонту объектов внешнего благоустройства муниципального образования, принадлежащих предприятию на праве хозяйственного ведения.

По результатам налоговой проверки предприятие привлечено к ответственности за совершение налогового правонарушения, ему доначислены налоги, пени и взыскан штраф за совершение правонарушения, предусмотренного п. 1 ст. 122 НК РФ, за неполную уплату НДС и транспортного налога.

Основанием доначисления НДС, соответствующих сумм пеней и штрафа послужил вывод налогового органа о том, что денежные средства в виде субсидий фактически получены предприятием в качестве оплаты за оказанные услуги (выполненные работы) и являются его выручкой от реализации, в связи с чем на основании подп. 1 п. 1 ст. 146, п. 2 ст. 153, п. 1 ст. 154 и подп. 2 п. 1 ст. 162 НК РФ данные суммы подлежат включению в налоговую базу при исчислении НДС.

Не согласившись с результатами налоговой проверки, предприятие обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении требований отказано. При этом суды отметили, что в соответствии с п. 2 ст. 154 НК РФ в налоговую базу по НДС не включаются только те субсидии, которые предоставляются налогоплательщику бюджетом в связи с применением таким лицом государственных регулируемых цен или льгот, предоставляемых отдельным потребителям для целей покрытия соответствующего убытка, в то время как спорные субсидии выделены налогоплательщику на частичное возмещение его затрат, возникших при выполнении работ (оказании услуг) по содержанию и обслуживанию объектов, переданных ему в хозяйственное ведение.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и признала решение налогового органа незаконным в части доначисления НДС, указав следующее.

На основании п. 2 ст. 153, подп. 2 п. 1 ст. 162 НК РФ при определении налоговой базы выручка от реализации работ и услуг определяется исходя из всех доходов налогоплательщика, связанных с расчетами по их оплате в денежной (или) натуральной формах, а также исходя из сумм, полученных налогоплательщиком в счет увеличения доходов либо иначе связанных с оплатой ре-

лизованных товаров (работ, услуг), включая финансовую помощь.

В силу приведенных положений законодательства сам по себе факт получения налогоплательщиком финансовой помощи от своего учредителя — муниципального образования, например, в виде бюджетной субсидии, не является основанием для взимания НДС с полученных сумм. Значение имеет возможность квалификации деятельности предприятия как реализации услуг (работ) в соответствии с п. 1 ст. 39 НК РФ и направленность финансовой помощи на увеличение доходов налогоплательщика от реализации работ и услуг.

Исходя из изложенного, в налоговую базу по НДС могут включаться субсидии из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, предоставленные в целях возмещения недополученных доходов в связи с производством и (или) реализацией товаров (работ, услуг), облагаемых НДС. При этом суммы НДС по товарам (работам, услугам, имущественным правам), приобретенным налогоплательщиками за счет указанных субсидий, подлежат вычету в порядке и на условиях, установленных ст.ст. 171 и 172 НК РФ.

В случае получения налогоплательщиками субсидий из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации на возмещение ранее понесенных затрат, связанных с оплатой приобретенных товаров (работ, услуг, имущественных прав), основания для включения таких сумм в налоговую базу отсутствуют, а принятые налогоплательщиками в установленном порядке к вычету по товарам (работам, услугам, имущественным правам), затраты на приобретение которых возмещаются за счет указанных субсидий, подлежат восстановлению на основании подп. 6 п. 3 ст. 170 НК РФ (в ред. Федерального закона от 27 ноября 2017 г. № 335-ФЗ).

Суды установили, что деятельность по содержанию муниципального имущества (объектов городского благоустройства) велась налогоплательщиком в силу его уставных задач как унитарного предприятия, а не в связи с необходимостью удовлетворения потребностей администрации как хозяйствующего субъекта.

Субсидии предоставлялись предприятию не в силу его вступления в гражданско-правовые отношения с администрацией и не по согласованной между ними цене, подлежащей безусловной уплате, а по основаниям, предусмотренным бюджетным законодательством, — на основании правового акта муниципального образования о предоставлении субсидии, в пределах выделенного на эти цели бюджетного финансирования.

Следовательно, несмотря на то, что упоминание о выполнении предприятием работ и оказании услуг имеется в соглашении о предоставлении субсидий, деятельность предприятия не отвечала определению понятия реализации услуг и работ, приведенному в п. 1 ст. 39 НК РФ.

Не свидетельствует о наличии оснований для взимания НДС и тот факт, что содержание, ремонт объектов уличного освещения, автомобильных дорог местного значения, связанных с ними ливневых канализаций, дорожной разметки и дорожных знаков необходимы для решения вопросов местного значения.

Налогоплательщик как унитарное предприятие, созданное для решения вопросов местного значения, нес бремя содержания имущества, переданного ему на баланс муниципальным образованием. Предприятие несло расходы на содержание этого имущества в надлежащем состоя-

нии, на ремонт и создание условий для его безопасной эксплуатации, закупая необходимые товары, работы и услуги у третьих лиц, и целью предоставления субсидий являлась финансовая поддержка налогоплательщика посредством возмещения понесенных им затрат на содержание данного имущества, а не возмещение неполученных доходов.

Таким образом, субсидирование расходов предприятия являлось способом целевого финансирования деятельности налогоплательщика со стороны учредителя, а не способом оплаты реализованных им работ (услуг) и не могло выступать основанием для взимания НДС с полученных сумм финансовой помощи.

Определение № 301-ЭС19-7881

33. Глава 25 “Налог на прибыль организаций” НК РФ не устанавливает предельный размер затрат налогоплательщика на контроль за финансово-хозяйственной деятельностью дочерних хозяйственных обществ, учитываемый при налогообложении, а также предписаний о каком-либо распределении данных расходов между различными видами доходов налогоплательщика.

Между обществом и организацией заключен договор, по которому общество передало управляющей компании осуществление полномочий единоличного исполнительного органа. Кроме того, в составе налогоплательщика создан филиал, который осуществлял деятельность, связанную с выполнением управленческих функций в отношении общества и его дочерних организаций.

Затраты по договору, а также затраты по филиалу учтены обществом при формировании налоговой базы для исчисления налога на прибыль организаций за отчетный период по ставке 20%.

В ходе налоговой проверки налоговым органом установлено, что помимо доходов от доверительного управления, облагаемых по общей ставке (20%), общество получило доход от дочерних организаций в виде дивидендов, который в соответствии с п. 3 ст. 284 НК РФ подлежит налогообложению по ставке, отличной от общего порядка (0%).

По результатам налоговой проверки налоговый орган исключил часть расходов общества за отчетный период, понесенных на оплату услуг организации и на содержание филиала, приходящуюся на долю 12,2%, поскольку налогоплательщик не вел раздельного учета данных расходов между основным видом деятельности налогоплательщика и деятельностью, относящейся к получению дивидендов.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суды указали, что расходы общества по управлению дочерними организациями направлены исключительно на повышение эффективности и доходности дочерних компаний, что в конечном итоге и привело к получению дивидендов. При этом расходы по содержанию филиала и по договору с организацией не представляется возможным отнести непосредственно к производственной деятельности общества либо только к деятельности, связанной с управлением дочерними обществами.

В связи с этим, руководствуясь положениями п. 1 ст. 272, п. 2 ст. 274, п. 3 ст. 284 НК РФ, суды пришли к выводу о правомерном распределении налоговым органом расходов по видам деятельности пропорционально доле дохода общества, полученного от конкретного вида деятельности в суммарном объеме всех доходов, и необоснованном включении налогоплательщиком спорных затрат в состав расходов, уменьшающих доходы от деятельности, облагаемой по ставке 20%.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты в части эпизода, связанного с доначислением налога на прибыль организаций, и направила дело на новое рассмотрение в этой части в связи со следующим.

Согласно п. 1 ст. 247 НК РФ для российских организаций объектом налогообложения по налогу на прибыль организаций признается полученная ими прибыль, определяемая как доходы, уменьшенные на величину произведенных расходов.

Как указано в п. 1 ст. 252 НК РФ, налогоплательщик уменьшает полученные доходы на сумму произведенных расходов — обоснованных и документально подтвержденных затрат. Под обоснованными расходами при этом понимаются экономически оправданные затраты, оценка которых выражена в денежной форме, при условии, что они произведены для осуществления деятельности, направленной на получение дохода.

Критерий экономической обоснованности расходов не предусматривает оценку понесенных налогоплательщиком затрат с точки зрения целесообразности, рациональности и эффективности их осуществления. В то же время экономическая оправданность затрат предполагает, что они понесены налогоплательщиком в его собственных интересах.

Экономически оправданными, в частности, могут быть признаны затраты, необходимость осуществления которых обусловлена фактом принадлежности налогоплательщику имущества, способного приносить экономические выгоды, — долей в уставных капиталах (акций) хозяйственных обществ, вытекающим из этого факта интересом налогоплательщика в обеспечении эффективности функционирования хозяйственных обществ, в том числе затраты на осуществление контроля за их финансово-хозяйственной деятельностью.

Названные затраты могут быть учтены при налогообложении прибыли в составе прочих расходов, связанных с производством и (или) реализацией, применительно к подп. 18 п. 1 ст. 264 НК РФ.

В отношении расходов этого вида глава 25 НК РФ не содержит положений, которые бы устанавливали их предельный размер, учитываемый при налогообложении, а также предписаний о каком-либо распределении данных расходов между различными видами доходов.

Положениями п. 2 ст. 274 НК РФ предусмотрено отдельное определение налоговой базы по прибыли, облагаемой по ставке, отличной от ставки, указанной в п. 1 ст. 284 НК РФ, т.е. по иной ставке, чем ставка 20%. Однако данная норма не подлежала применению в сложившейся ситуации, поскольку в силу ст. 275 и п. 3 ст. 284 НК РФ налоговой базой при получении дивидендов выступает не прибыль (доходы за вычетом расходов), а исключительно сами суммы выплаченных дивидендов. Таким образом, распределения расходов между несколькими налоговыми базами для данного случая закон не предполагает.

Вместе с тем отсутствуют и основания для распределения расходов налогоплательщика пропорционально доле соответствующего дохода в суммарном объеме всех доходов налогоплательщика по правилам п. 1 ст. 272 НК РФ, поскольку названная норма, исходя из ее буквального содержания, применяется в случаях ведения налогоплательщиком нескольких видов деятельности, в то время как дивиденды выступают внереализационным доходом от долевого участия налогоплательщика в других организациях, а не доходом от деятельности.

Таким образом, соглашаясь с выводами налогового органа о невозможности полного учета спорных расходов при налогообложении прибыли, суды исходили из неправильного толкования положений главы 25 НК РФ. Позиция, занятая судами, привела к невозможности учесть понесенные налогоплательщиком затраты в полном объеме при исчислении налога на прибыль организаций по основаниям, не предусмотренным п. 1 ст. 252, ст. 270 НК РФ, что не может быть признано правильным.

Определение № 309-КГ18-26166

34. В случаях, когда векселя выступают объектами имущества (ценными бумагами), полученными налогоплательщиком при участии в хозяйственном обороте, в соответствии с п. 1 ст. 280 НК РФ налоговая база определяется с учетом доходов налогоплательщика, в том числе от погашения или частичного погашения их номинальной стоимости и понесенных расходов, определяемых исходя из цены приобретения ценных бумаг.

В силу принципа добросовестности налогового администрирования при возникновении вопроса о переносе накопленного убытка прошлых лет налоговый орган в ходе проведения налоговой проверки и рассмотрения ее результатов обязан предоставить налогоплательщику реальную возможность подтвердить соблюдение требований п. 4 ст. 283 НК РФ.

Обществу принадлежали векселя иностранных компаний. Данные векселя получены обществом в порядке правопреемства от присоединенных к нему российских организаций, получивших векселя безвозмездно от своих иностранных участников.

На основании договора об отчуждении исключительных прав обществом у иностранной компании приобретены права на товарные знаки. Обязательство общества по оплате приобретенных товарных знаков прекращено в результате заключения соглашения о зачете данного требования против обязанности иностранной компании по уплате долга по спорным векселям.

По итогам проверки налоговым органом вынесено решение о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения, которым обществу доначислен налог на прибыль организаций, взысканы пени, а также штраф, предусмотренный ст. 122 НК РФ.

Основанием для вынесения решения послужил вывод налогового органа о том, что при осуществлении зачета встречных требований в 2012 году общество в нарушение п. 3 ст. 271, п. 2 ст. 280, п. 2 ст. 286 НК РФ не отразило доход от реализации безвозмездно полученных векселей, в результате чего налоговая база по налогу на прибыль организаций за 2012 год была занижена и не уплачен налог.

Не согласившись с результатами налоговой проверки, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены.

Суды исходили из того, что спорные векселя были использованы обществом в качестве средства платежа при приобретении товарных знаков и общество не получило какой-либо экономической выгоды, подлежащей налогообложению. По мнению судов, погашение спорных векселей в сложившейся ситуации должно рассматриваться как возврат займа, который согласно подп. 10 п. 1 ст. 251 НК РФ не является доходом в целях налогообложения.

Кроме того, суды пришли к выводу о том, что налоговый орган, начисляя недоимку, неправоммерно не принял во внимание накопленный налогоплательщиком убыток предыдущих налоговых периодов. Как указали суды, в ходе выездной проверки налоговый орган запросил, а общество предоставило документы, подтверждающие период образования и правомерность формирования соответствующего убытка, начиная с 2008 года, в связи с чем пришли к выводу о том, что в рамках применения ст. 283 НК РФ налоговый орган при доначислении соответствующих налогов был обязан скорректировать произведенные доначисления на сумму сформированного убытка.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены. Суд указал, что в 2012 году у общества произошло выбытие векселей как ценных бумаг в результате их предъявления к оплате и погашения номинальной стоимости векселей. Эта операция в силу п. 2 ст. 280 НК РФ является объектом налогообложения по налогу на прибыль. Не соглашаясь с выводами судов первой и апелляционной инстанций о том, что предъявление векселей к оплате должно рассматриваться как необлагаемая налогом операция по возврату займа, арбитражный суд округа отметил, что материалами дела не подтверждается существование заемных отношений с участием общества, напротив, векселя получены им безвозмездно как ценные бумаги.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила указанные судебные акты в части вывода по эпизоду, связанному с учетом убытков при исчислении налога на прибыль, и направила дело в этой части на новое рассмотрение, обратив внимание на следующее.

Главой 25 “Налог на прибыль организаций” НК РФ установлен различный порядок ведения налогового учета и определения налоговой базы в отношении векселей, удостоверяющих вступление налогоплательщика (его правопреемников) в заемные отношения, и векселей третьих лиц, полученных налогоплательщиком в качестве ценных бумаг.

В силу подп. 10 п. 1 ст. 251 НК РФ при определении налоговой базы не учитываются средства и имущество, полученные в счет погашения займов по договорам кредита или займа, и иные аналогичные средства или иное имущество независимо от формы оформления займов, включая ценные бумаги по долговым обязательствам.

Данная норма применима к ситуациям, когда именно налогоплательщик (его правопреемник) выступал участником заемных отношений, оформленных выдачей векселя. Возврат займования не приводит к образованию дохода у лица, которое ранее предоставило соответ-

вующую сумму в долг и не включало эту сумму в состав расходов.

Для тех случаев, когда векселя выступали объектами имущества (ценными бумагами), полученными налогоплательщиком (его правопреемниками) при участии в хозяйственном обороте, например, на основании сделки, предметом которой выступала передача прав на вексель, в соответствии с п. 1 ст. 280 НК РФ налоговая база определяется с учетом особенностей, установленных данной статьей, — с учетом доходов налогоплательщика, в том числе от погашения или частичного погашения их номинальной стоимости (п. 2 ст. 280 НК РФ), и понесенных расходов, определяемых исходя из цены приобретения ценных бумаг (п. 3 ст. 280 НК РФ). При этом, поскольку реорганизация не изменяет порядок налогообложения, исходя из п. 1 ст. 277 НК РФ для определения налоговой базы при выбытии ценных бумаг налогоплательщиком может быть принята в том числе цена приобретения ценных бумаг его правопреемником.

При рассмотрении дела общество не представило доказательств, подтверждающих вступление его правопреемников именно в заемные отношения с иностранными компаниями, выдавшими спорные векселя. Напротив, как установили суды, данные векселя переданы обществу безвозмездно на основании отдельных соглашений.

Следовательно, как правильно указал суд округа, у судов первой и апелляционной инстанций отсутствовали основания для вывода о применении к спорным векселям подп. 10 п. 1 ст. 251 НК РФ и об освобождении от налогообложения дохода, полученного обществом при предъявлении векселей к погашению.

Между тем, делая вывод об отсутствии у налогового органа при определении окончательного размера недоимки обязанности по корректировке данного дохода на величину накопленного обществом убытка прошлых лет, суд округа не учел следующее.

В п. 1 ст. 283 НК РФ закреплено положение, согласно которому налогоплательщики, понесшие убыток (убытки) в предыдущем налоговом периоде или в предыдущих налоговых периодах, вправе уменьшить налоговую базу текущего налогового периода на всю сумму полученного ими убытка или на часть этой суммы (перенести убыток на будущее). Налогоплательщики вправе осуществлять перенос убытка на будущее в течение десяти лет, следующих за тем периодом, в котором получен этот убыток (п. 2 ст. 283 НК РФ).

Следовательно, для отказа в применении положений ст. 283 НК РФ должно быть установлено, что соответствующие расходы налогоплательщика, входящие в объем переносимого убытка, документально не подтверждены.

Данное обстоятельство устанавливается в ходе налоговой проверки, т.е. по результатам взаимодействия налогового органа и налогоплательщика, если принять во внимание поведение сторон в рамках такого взаимодействия.

Исходя из положений п. 2 ст. 22 НК РФ, налоговое администрирование должно осуществляться с учетом принципа добросовестности, предполагающего учет законных интересов плательщиков налогов и недопустимость создания формальных условий для взимания налогов сверх того, что требуется по закону.

Это означает, что при возникновении вопроса о переносе накопленного убытка прошлых лет налоговый орган в ходе проведения налоговой проверки и рассмотрения ее результатов обязан предоставить налогоплательщику реальную возможность подтвердить соблюдение требований п. 4 ст. 283 НК РФ.

Принимая во внимание то обстоятельство, что суды трех инстанций не дали должной оценки поведению налогового органа и общества на стадии налоговой проверки при подтверждении размера переносимого убытка и не установили размер переносимого убытка, отвечающий требованиям п. 4 ст. 283 НК РФ, Судебная коллегия отменила все состоявшиеся по делу судебные акты.

Определение № 305-ЭС19-9969

35. В отношении выплат, произведенных работникам юридического лица, занятым на видах работ, указанных в подп. 2—18 п. 1 ст. 27 Федерального закона “О трудовых пенсиях в Российской Федерации”, а с 1 января 2015 г. — в пп. 2—18 ч. 1 ст. 30 Федерального закона “О страховых пенсиях”, условия труда на рабочих местах которых признаны допустимыми по результатам проведенной в соответствии с порядком аттестации рабочих мест, действовавшим до дня вступления в силу Федерального закона “О специальной оценке условий труда”, подлежат применению дополнительные тарифы страховых взносов, предусмотренные ч. 2 ст. 58³ Федерального закона “О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования”.

На основании выездной проверки пенсионным фондом вынесено решение, которым общество привлечено к ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 47 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ “О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования” (далее — Закон № 212-ФЗ).

Основанием для принятия указанного решения послужил вывод налогового органа о наличии у общества обязанности применять дополнительные тарифы страховых взносов, предусмотренные ч. 2 ст. 58³ Закона № 212-ФЗ, в отношении выплат, произведенных в 2014—2016 гг. работникам общества, занятым на видах работ, указанных в подп. 2—18 п. 1 ст. 27 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ “О трудовых пенсиях в Российской Федерации” (далее — Закон № 173-ФЗ), а с 1 января 2015 г. — в пп. 2—18 ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ “О страховых пенсиях” (далее — Закон № 400-ФЗ), условия труда на рабочих местах которых признаны допустимыми по результатам проведенной в соответствии с порядком, действовавшим до дня вступления в силу Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ “О специальной оценке условий труда” (далее — Закон № 426-ФЗ), аттестации рабочих мест.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения пенсионного фонда незаконным и об обязанности налогового органа возратить денежные средства, взысканные в рамках исполнения решения пенсионного фонда.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены. Суды указали следующее.

Частью 2 ст. 58³ Закона № 212-ФЗ, действовавшей в спорный период, установлены дополнительные тарифы страховых взносов в отношении выплат и иных вознаграждений в пользу физических лиц, занятых на соответствующих видах работ, указанных в подп. 2—18 п. 1 ст. 27 Закона № 173-ФЗ (с 1 января 2015 г. — в пп. 2—18 ч. 1 ст. 30 Закона № 400-ФЗ).

С 1 января 2014 г. вступил в силу Закон № 426-ФЗ, в п. 7 ст. 7 которого предусмотрено, что с 1 января 2014 г. при установлении дополнительного тарифа страховых взносов в Пенсионный фонд РФ с учетом класса (подкласса) условий труда на рабочем месте применяются результаты проведения специальной оценки условий труда.

В связи с принятием Закона № 426-ФЗ Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 421-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О специальной оценке условий труда” (далее — Закон № 421-ФЗ) ст. 58³ Закона № 212-ФЗ дополнена ч. 2¹, согласно которой для плательщиков страховых взносов, указанных в чч. 1 и 2 данной статьи, в зависимости от установленного по результатам специальной оценки условий труда, проводимой в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, класса условий труда взامن установленных в чч. 1 и 2 данной статьи дополнительных тарифов применяются следующие дополнительные тарифы страховых взносов в Пенсионный фонд РФ: для опасного класса условий труда подкласс 4 — 8%, для вредного класса условий труда подкласс 3.4 — 7%, подкласс 3.3 — 6%, подкласс 3.2 — 4%, подкласс 3.1 — 2%, для допустимого класса условий труда подкласс 2 — 0%, для оптимального класса условий труда подкласс 1 — 0%.

При этом в п. 5 ст. 15 Закона № 421-ФЗ установлено, что результаты аттестации, проведенной до 1 января 2014 г., которые действительны до окончания срока их действия, применяются при определении установленного ч. 2¹ ст. 58³ Закона № 212-ФЗ дополнительного тарифа страховых взносов в Пенсионный фонд РФ, начисляемых на выплаты работникам, условия труда которых признаны вредными и (или) опасными.

Учитывая, что согласно результатам аттестации рабочих мест по условиям труда, проведенной обществом в 2012 году и действовавшей в проверяемом периоде, условия труда по степени вредности и (или) опасности факторов производственной среды и трудового процесса отнесены ко второму классу (признаны допустимыми), в отношении которого ч. 2¹ ст. 58³ Закона № 212-ФЗ установлен дополнительный тариф 0%, суды пришли к выводу об отсутствии у общества обязанности уплачивать дополнительные тарифы страховых взносов с выплат, произведенных указанным работникам в спорный период.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении заявления общества по следующим основаниям.

Согласно п. 5 ст. 15 Закона № 421-ФЗ результаты проведенной в соответствии с порядком, действовавшим до дня вступления в силу Закона № 426-ФЗ, аттестации рабочих мест по условиям труда, действительные до окончания срока их действия, но не более чем до 31 декабря 2018 г. включительно, применяются при определении размера дополнительных тарифов страховых взносов в Пенсионный фонд РФ, установленных ч. 2¹ ст. 58³

Закона № 212-ФЗ, в отношении рабочих мест, условия труда на которых по результатам аттестации рабочих мест по условиям труда, проведенной в соответствии с порядком, действовавшим до дня вступления в силу Закона № 426-ФЗ, признаны вредными и (или) опасными.

Таким образом, положения п. 5 ст. 15 Закона № 421-ФЗ в отношении “оптимального” и “допустимого” классов условий труда по степени вредности и (или) опасности факторов производственной среды и трудового процесса рабочих мест аналогичных положений не предусматривают.

В связи с этим в отношении выплат, произведенных работникам общества, занятым на видах работ, указанных в подп. 2—18 п. 1 ст. 27 Закона № 173-ФЗ, а с 1 января 2015 г. — в пп. 2—18 ч. 1 ст. 30 Закона № 400-ФЗ, условия труда на рабочих местах которых признаны допустимыми по результатам проведенной в соответствии с порядком аттестации рабочих мест, действовавшим до дня вступления в силу Закона № 426-ФЗ, подлежат начислению дополнительные тарифы страховых взносов, предусмотренные ч. 2 ст. 58³ Закона № 212-ФЗ.

Определение № 310-ЭС19-3100

36. Самостоятельное исправление страхователем ошибки в первоначально представленных в пенсионный орган сведениях о застрахованных лицах по форме СЗВ-М до истечения срока, установленного в уведомлении пенсионного фонда об устранении имеющихся расхождений, не влечет привлечение страхователя к ответственности в форме взыскания финансовых санкций, предусмотренных ст. 17 Федерального закона “Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования”.

По результатам проверки дополнительно представленных учреждением 27 апреля 2017 г. сведений, предусмотренных п. 2² ст. 11 Федерального закона от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ “Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования” (далее — Закон № 27-ФЗ), о застрахованных лицах по форме СЗВ-М за октябрь 2016 г. в отношении четырех застрахованных лиц, которые не были отражены в первоначальных сведениях за указанный период, пенсионный фонд пришел к выводу о представлении учреждением неполных и недостоверных сведений о застрахованных лицах по форме СЗВ-М за октябрь 2016 г. и принял решение о привлечении учреждения к ответственности, предусмотренной ст. 17 Закона № 27-ФЗ.

В целях добровольной уплаты примененной финансовой санкции учреждению было выставлено требование, неисполнение которого в установленный срок послужило основанием для обращения пенсионного фонда в арбитражный суд.

При этом, получив уведомление пенсионного фонда от 26 апреля 2017 г. о расхождении между сведениями о застрахованных лицах и ежемесячных отчетах по форме СЗВ-М, в том числе за октябрь 2016 г., учреждение на следующий день — 27 апреля 2016 г. представило в пенсионный фонд дополнительные (корректирующие) сведения о четырех застрахованных лицах по форме СЗВ-М за октябрь 2016 г., которые не были отражены в первоначальных сведениях за указанный период.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении требования отказано.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановле-

ние суда апелляционной инстанции отменены, требования пенсионного фонда удовлетворены.

Суд, ссылаясь на то, что дополнительные (корректирующие) сведения о застрахованных лицах по форме СЗВ-М за октябрь 2016 г. были представлены учреждением после получения уведомления пенсионного фонда о выявлении несоответствия в представленных ранее сведениях, пришел к выводу об обнаружении допущенных учреждением ошибок непосредственно пенсионным фондом. Кроме того, по мнению суда, представление учреждением дополнительных (корректирующих) сведений о застрахованных лицах по форме СЗВ-М за октябрь 2016 г. не может рассматриваться как исправление учреждением ранее представленных сведений за указанный период, поскольку эти сведения ранее не представлялись и являются новыми.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции, указав следующее.

В соответствии с положениями Закона № 27-ФЗ и Инструкции о порядке ведения индивидуального (персонифицированного) учета сведений о застрахованных лицах, утвержденной приказом Минтруда России от 21 декабря 2016 г. № 766н, страхователь имеет право дополнять и уточнять (исправлять) ранее представленные в пенсионный фонд сведения в отношении застрахованных лиц. При этом в ст. 17 Закона № 27-ФЗ не установлен срок, в течение которого страхователь самостоятельно может выявить ошибку или неполноту в представленных в пенсионный фонд сведениях до их обнаружения пенсионным фондом и представить в пенсионный фонд достоверные сведения (уточненные/исправленные).

Формальный подход к вопросу привлечения плательщика страховых взносов к ответственности за совершение правонарушения и наложения на него штрафа является недопустимым. Любая санкция должна применяться с учетом ряда принципов: виновность и противоправность деяния, соразмерность наказания, презумпция невиновности.

Из анализа норм действующего пенсионного законодательства следует воля законодателя на поощрение добросовестных страхователей и освобождение их от ответственности в случае самостоятельного выявления ими ошибок и устранения их путем представления соответствующих сведений в контролирующие органы.

Такой правоприменительный подход позволяет стимулировать заинтересованность страхователей в самостоятельном и своевременном устранении допущенных ошибок, более оперативной обработке сведений индивидуального (персонифицированного) учета органами Пенсионного фонда РФ, что в итоге способствует соблюдению прав и интересов застрахованных лиц.

Указанный подход подлежит распространению также и на страхователей, представивших в органы пенсионного фонда уточненные (исправленные) индивидуальные сведения о застрахованных лицах, в отношении которых соответствующим органом пенсионного фонда страхователю вручено уведомление об устранении имеющихся в индивидуальных сведениях ошибок и несоответствий, до истечения установленного срока.

То обстоятельство, что дополнительные сведения были представлены в отношении застрахованных лиц, не указанных в первоначальных сведениях о застрахованных лицах за спорный период, не может лишать учреждение возможности без применения к нему штрафных санкций исправить допущенную ошибку и представить дополнительные сведения о застрахованных лицах, о которых первоначально такие сведения не подавались.

Исправляя ошибку в первоначально представленных сведениях о застрахованных лицах за октябрь 2016 г. до истечения срока, установленного в уведомлении пенсионного фонда об устранении имеющихся расхождений, учреждение реализовало свое право на исправление представленных сведений за указанный период, откорректировав их путем представления в пенсионный фонд дополнительных сведений за этот период, которые ранее не представлялись.

Таким образом, при установленных фактических обстоятельствах является правомерным вывод судов первой и апелляционной инстанций об отсутствии оснований для применения к учреждению финансовых санкций, предусмотренных ст. 17 Закона № 27-ФЗ.

Определение № 308-ЭС19-975

Практика применения таможенного законодательства

37. Срок исковой давности по требованию о возмещении вреда, причиненного принятием государственными органами не соответствующими закону ненормативных правовых актов, решений и совершением незаконных действий (бездействия), не течет в период рассмотрения арбитражным судом спора о законности соответствующих актов, решений, действий (бездействия).

Таможенным органом (далее также — таможня) принято решение от 26 октября 2014 г. об отказе в выпуске товаров по декларации, представленной обществом, в связи с неполной уплатой таможенных платежей.

Вступившим в законную силу решением арбитражного суда от 9 июня 2015 г. решение таможни признано недействительным как противоречащее таможенному законодательству.

Считая, что незаконно принятое таможней решение об отказе в выпуске товара повлекло нанесение обществом расходов, в том числе связанных с хранением товара, общество направило в таможненный орган претензии об их возмещении как вреда, причиненного принятием упомянутого решения.

Неудовлетворение претензий послужило основанием для обращения общества в арбитражный суд с иском о возмещении вреда за счет казны Российской Федерации.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано в связи с пропуском обществом срока исковой давности.

Суды исходили из того, что период рассмотрения в арбитражном суде дела об оспаривании решения таможненного органа от 26 октября 2014 г. не влияет на течение трехлетнего срока исковой давности по требованию о возмещении вреда, предъявленного к казне, и на момент обращения в суд с названным требованием трехлетний срок истек.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные су-

дебные акты и отправила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В силу положений ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 46 и ст. 53 Конституции Российской Федерации в Российской Федерации гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина, в том числе судебная защита прав и свобод, а также возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

Действующий правопорядок не исключает возможность непосредственного обращения заинтересованного лица в суд с иском о возмещении вреда, причиненного публично-правовым образованием в сфере его властной деятельности. Тот факт, что ненормативный правовой акт не был признан в судебном порядке недействительным, а решение или действия (бездействие) государственного органа — незаконными, сам по себе не является основанием для отказа в иске о возмещении вреда, причиненного таким актом, решением или действиями (бездействием). В названном случае суд оценивает законность соответствующего ненормативного акта, решения или действий (бездействия) государственного или муниципального органа (должностного лица) при рассмотрении иска о возмещении вреда. Данная правовая позиция изложена в п. 4 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами, утвержденного Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ (информационное письмо от 31 мая 2011 г. № 145).

Вместе с тем субъект предпринимательской и иной экономической деятельности в равной мере наделен возможностью осуществлять защиту своих нарушенных прав в порядке административного судопроизводства — посредством обращения в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными (незаконными) соответствующих ненормативных правовых актов, решений, действий (бездействия) государственных органов (п. 2 ч. 1 ст. 29, ч. 1 ст. 198 АПК РФ).

При этом в силу п. 3 ч. 4, п. 3 ч. 5 ст. 201 АПК РФ признание оспоренного ненормативного правового акта или решения недействительным, а действий (бездействия) незаконными возлагает на государственные органы обязанность устранить допущенные нарушения прав и законных интересов лица, обратившегося в суд.

Исходя из принципа равенства всех перед законом и судом, лицо, прибегнувшее к судебной защите нарушенных прав в порядке административного судопроизводства, не может быть поставлено в худшее положение по сравнению с ситуацией обращения в суд непосредственно с иском о возмещении вреда. Иное означало бы, что невозможность восстановления имущественной сферы такого лица обуславливается длительностью судебного разбирательства, осуществляемого в рамках административного судопроизводства, и (или) поведением самого публично-правового образования (его органов), не устранившего самостоятельно и в полном объеме допущенные нарушения прав и законных интересов лица, по заявлению которого соответствующие ненормативные правовые акты, решения, действия (бездействия) в судебном порядке признаны недействительными (незаконными).

Обращение к административному суду изначально в целях признания актов, действий публичной власти незаконными также является и реализацией “права на своего судью” как элемента права на суд, следовательно, не может влечь санкцию в виде отказа в судебной защите по причине пропуска срока исковой давности.

В том случае, когда защита нарушенных прав потребовала использования со стороны заинтересованного лица сочетания нескольких способов защиты своего субъективного гражданского права (оспаривание правоприменительного акта и предъявление требования о возмещении вреда по основанию незаконности такого акта), это не может не учитываться при исчислении исковой давности.

С учетом изложенного применительно к п. 1 ст. 204 ГК РФ срок исковой давности по требованию о возмещении вреда, причиненного принятием государственными органами не соответствующими закону ненормативных правовых актов, решений и совершением незаконных действий (бездействия), не течет в период рассмотрения арбитражным судом спора о законности соответствующих актов, решений, действий (бездействия).

С учетом периода рассмотрения дела о признании решения таможи незаконным, составившего не менее шести месяцев, обратившись 1 февраля 2018 г. в суд с иском о возмещении убытков, причиненных в период с 10 октября по 5 декабря 2014 г., общество не пропустило срок исковой давности для защиты своего субъективного гражданского права на возмещение вреда, причиненного государственными органами.

Определение № 303-ЭС19-7300

38. В случае ввоза транспортных средств на территорию Российской Федерации субъектом, обязанным к уплате утилизационного сбора, выступает лицо, осуществившее ввоз соответствующих товаров. Последующее отчуждение ввезенных транспортных средств не предусмотрено Федеральным законом “Об отходах производства и потребления” в качестве основания для прекращения неисполненной обязанности по уплате утилизационного сбора для лица, осуществившего ввоз.

Обществом на территорию Российской Федерации ввезены и задекларированы транспортные средства, выпущенные в соответствии с заявленной таможенной процедурой выпуска для внутреннего потребления. При этом общество не уплатило утилизационный сбор.

Таможенный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о взыскании с общества суммы неуплаченного утилизационного сбора.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены.

Постановлением арбитражного суда округа указанные судебные акты отменены, дело направлено на новое рассмотрение.

При новом рассмотрении дела решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

При этом суды исходили из того, что до вынесения решения суда первой инстанции общество произвело отчуждение спорных транспортных средств на основании договоров, заключенных с рядом покупателей — физических лиц и организаций. По мнению судов, в связи с совершением указанных сделок обязанность по уплате утилиза-

ционного сбора перешла к новым собственникам транспортных средств, ввезенных обществом. В обоснование данного вывода суды сослались на абз. 4 п. 3 ст. 24¹ Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ “Об отходах производства и потребления” (далее — Закон № 89-ФЗ), устанавливающий, что к плательщикам утилизационного сбора относятся лица, которые приобрели транспортные средства на территории Российской Федерации у лиц, не уплативших в нарушение установленного порядка утилизационного сбора.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила указанные судебные акты и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции, вынесенные при первоначальном рассмотрении дела, указав следующее.

Согласно п. 1 ст. 24¹ Закона № 89-ФЗ за каждое колесное транспортное средство (шасси), каждую самоходную машину, каждый прицеп к ним, ввозимые в Российскую Федерацию или произведенные, изготовленные в Российской Федерации, уплачивается утилизационный сбор в целях обеспечения экологической безопасности, в том числе для защиты здоровья человека и окружающей среды от вредного воздействия эксплуатации транспортных средств, с учетом их технических характеристик и износа.

В соответствии с абз. 2 п. 3 ст. 24¹ Закона № 89-ФЗ отдельной категорией плательщиков утилизационного сбора являются лица, которые осуществляют ввоз транспортных средств в Российскую Федерацию.

Таким образом, в случае ввоза транспортных средств на территорию Российской Федерации субъектом, обязанным к уплате утилизационного сбора, выступает именно лицо, осуществившее ввоз соответствующих товаров. Последующее отчуждение ввезенных транспортных средств не предусмотрено законом в качестве основания для прекращения неисполненной обязанности по уплате утилизационного сбора для лица, осуществившего ввоз.

В абз. 4 п. 3 ст. 24¹ Закона № 89-ФЗ имеется указание о том, что плательщиками утилизационного сбора признаются лица, которые приобрели транспортные средства на территории Российской Федерации у лиц, не уплативших в нарушение установленного порядка утилизационного сбора.

Однако смысл данной нормы состоит не в прекращении обязанности по уплате утилизационного сбора у лица, осуществившего ввоз транспортных средств, а в обеспечении возможности взыскания рассматриваемого обязательного платежа за счет средств покупателя, который знал или должен был знать о неисполнении обязанности по уплате данного фискального сбора лицом, осуществившим ввоз транспортного средства, т.е., по существу, речь идет об установлении наряду с обязанностью лица, осуществившего ввоз товаров в Российскую Федерацию, солидарной обязанности лиц, ставших собственниками транспортных средств после их выпуска в оборот.

При таком положении выводы судов о прекращении у общества как лица, осуществившего ввоз товара в Российскую Федерацию, обязанности по уплате утилизационного сбора в отношении спорных транспортных средств в связи с их отчуждением третьим лицам ко дню рассмотрения дела не могут быть признаны правомерными.

Определение № 310-ЭС19-8382

39. Пени на задолженность по уплате таможенных пошлин могут не начисляться, если у декларанта имелись перечисленные авансовые платежи, превышающие произведенные ему доначисления, и таможенный орган имел возможность самостоятельно зачесть их в счет уплаты таможенных пошлин и налогов.

Таможенным представителем от имени общества поданы полные декларации на товары с соответствующим кодом классификации. После уплаты таможенных платежей товар был выпущен таможенным органом в соответствии с заявленной таможенной процедурой. В порядке ведомственного контроля Центральная таможня отменила решения таможенного органа о подтверждении классификационного кода товара, что повлекло увеличение ставок вывозных таможенных пошлин и подлежащих к уплате сумм таможенных платежей. В адрес общества направлено требование об уплате таможенных платежей, согласно которому обществу следует уплатить пени.

Вместе с тем на дату возникновения обязанности по уплате таможенных пошлин и на дату принятия решения о выпуске по таможенным декларациям у общества имелась переплата (авансовые платежи), превышающая размер подлежащих уплате вывозных таможенных пошлин.

Не согласившись с возложением обязанности по уплате пеней, общество обратилось в арбитражный суд с соответствующим требованием.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении заявленных требований отказано. При этом суд руководствовался положениями ст.ст. 151, 214 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ “О таможенном регулировании в Российской Федерации” (далее — Закон № 311-ФЗ) и пришел к выводу о том, что наличие у заявителя переплаты по авансовым платежам не свидетельствует об исполнении плательщиком обязанности по уплате таможенных платежей, поскольку авансовые платежи остаются имуществом внесшего их лица (находятся на лицевом счете участника внешнеэкономической деятельности, открытом в таможенном органе, а не в бюджете Российской Федерации) и не могут рассматриваться в качестве таможенных платежей либо денежных средств (денег), внесенных в качестве обеспечения уплаты таможенных пошлин, налогов, до тех пор, пока лицо не сделает распоряжение об этом таможенному органу либо таможенный орган не обратит взыскание на авансовые платежи.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, заявленные требования удовлетворены в части, признано недействительным требование Центральной таможни, на таможенный орган возложена обязанность восстановить нарушенные права заявителя.

Суд принял во внимание правовые позиции, изложенные в Постановлении Конституционного Суда РФ от 17 декабря 1996 г. № 20-П и разъяснения п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 мая 2016 г. № 18 “О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства”, с учетом которых заключил, что в ситуации, когда у декларанта имеется перечисленный таможенному органу авансовый платеж, соответствующий размеру требуемых платежей и налогов, таможенный орган имеет возможность самостоятельно зачесть их в счет уплаты таможенных пошлин и налогов, при этом какие-либо потери в бюджетной системе отсутствуют, что исключает возможность начисления пеней.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции отменено, решение суда первой инстанции оставлено в силе.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции в связи со следующим.

Правовая природа взимания пеней как правовосстановительной меры, применяемой в целях компенсации потерь бюджета в результате недополучения налоговых сумм в срок в случае задержки уплаты налога, а не меры юридической ответственности за виновное поведение также определена в ряде решений Конституционного Суда РФ (Постановления от 17 декабря 1996 г. № 20-П и от 15 июля 1999 г. № 11-П, Определения от 4 июля 2002 г. № 202-О, от 8 февраля 2007 г. № 381-О-П и от 7 декабря 2010 г. № 1572-О-О).

Изложенная в данных решениях правовая позиция не может не учитываться в рассматриваемой ситуации, поскольку налоги и таможенные пошлины выступают обязательными публично-правовыми платежами в бюджет, взимаемыми на основании ст. 57 Конституции Российской Федерации, и само по себе различие в классификации доходов бюджета (отнесение таможенных пошлин в состав неналоговых доходов) не свидетельствует о наличии оснований для придания пеням, взимаемым в соответствии с Законом № 311-ФЗ, характера штрафной санкции.

Таким образом, обязанность по уплате пеней является дополнительной (производной) по отношению к обязанности по уплате соответствующих таможенных платежей и возникает не по факту совершения того или иного нарушения таможенного законодательства, а в случаях, когда неуплата таможенных платежей привела к возникновению потерь в доходах бюджета, требующих компенсации. Следовательно, при оценке правомерности направления требования об уплате пеней должно приниматься во внимание не только неисполнение (несвоевременное исполнение) декларантом обязанности по уплате таможенных платежей, но и состояние расчетов декларанта (плательщика) с бюджетом в период между возникновением обязанности по уплате таможенных платежей и ее исполнением.

В силу ст. 241¹ БК РФ все операции по кассовым поступлениям в бюджет и кассовым выплатам из бюджета на едином счете бюджета проводятся и учитываются органом Федерального казначейства по кодам бюджетной классификации Российской Федерации.

Авансовые платежи в счет будущих таможенных платежей и денежные залоги в обеспечение уплаты таможенных платежей, поступившие на счета, открытые территориальным органам Федерального казначейства, предназначенные для учета поступлений и их распределения между бюджетами бюджетной системы Российской Федерации, в полном объеме подлежат зачислению в доход федерального бюджета (п. 5 ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 14 декабря 2015 г. № 359-ФЗ “О федеральном бюджете на 2016 год” и п. 5 ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 19 декабря 2016 г. № 415-ФЗ “О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов”).

Таким образом, авансовые платежи в счет будущих таможенных и иных платежей уплачиваются с присвоением им соответствующего кода

бюджетной классификации и учитываются как отдельный вид доходов федерального бюджета с момента их поступления на счета Федерального казначейства. То обстоятельство, что идентификация авансовых платежей применительно к исполнению обязанности по уплате тех или иных конкретных таможенных платежей производится после поступления соответствующего распоряжения об использовании авансовых платежей со стороны плательщика или по инициативе таможенного органа, не означает, что до момента распоряжения авансовыми платежами соответствующие денежные средства не находились в казне и не использовались государством при кассовом исполнении федерального бюджета.

При таком положении следует признать правильным вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии оснований для начисления обществу пеней, поскольку на момент возникновения обязанности по уплате таможенных платежей в федеральном бюджете находились авансовые платежи, поступившие от заявителя, превышающие по своему размеру величину произведенных обществом доначислений, т.е. состояние расчетов свидетельствовало об отсутствии потерь бюджета.

Высказанный судом первой инстанции и судом округа довод о том, что согласно п. 3 ст. 121 и п. 2 ст. 122 Закона № 311-ФЗ денежные средства, уплаченные в качестве авансовых платежей, до момента истечения срока их возврата являются имуществом лица, внесшего авансовые платежи, не опровергают изложенного, поскольку смысл этих положений состоит не в имущественном обособлении авансовых платежей как денежных средств, а в признании за плательщиком права требовать возврат внесенных денежных средств (неизрасходованного остатка авансовых платежей) из федерального бюджета. Иное толкование данных норм противоречило бы указанным выше положениям бюджетного законодательства.

Определение № 305-ЭС19-7439

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

40. Деятельность по эксплуатации хроматографа, содержащего в своем составе радионуклидный источник пятой категории радиационной опасности Ni-63, в отсутствие надлежащей регистрации может быть квалифицирована по ч. 1 ст. 9.6 КоАП РФ.

Постановлением административного органа учреждение привлечено к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 9.6 КоАП РФ, за эксплуатацию хроматографа, содержащего в своем составе радионуклидный источник пятой категории радиационной опасности Ni-63, в отсутствие надлежащей регистрации.

Учреждение обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании постановления административного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Постановлением арбитражного суда округа акты судов первой и апелляционной инстанций отменены, постановление о привлечении к административной ответственности признано незаконным и отменено.

Руководствуясь положениями Федерального закона от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ “Об использовании атомной энергии” (далее — Закон

№ 170-ФЗ), Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ “О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения”, Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, постановлением Правительства РФ от 19 ноября 2012 г. № 1184, утвердившим Правила регистрации организаций, осуществляющих деятельность по эксплуатации радиационных источников, содержащих в своем составе только радионуклидные источники четвертой и пятой категорий радиационной опасности, Санитарными правилами СанПиН 2.6.1.3287-15 “Санитарно-эпидемиологические требования к обращению с радиоизотопными приборами и их устройству”, суд пришел к выводу, что заявитель не обязан получать разрешение на право проведения работ в области использования атомной энергии, в том числе по руководству безопасной эксплуатации объекта использования атомной энергии, по ведению технологического процесса, по физической защите объекта использования атомной энергии.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции в связи со следующим.

В силу ч. 5 ст. 36¹ Закона № 170-ФЗ организации, осуществляющие деятельность по эксплуатации радиационных источников, содержащих в своем составе только радионуклидные источники четвертой и пятой категорий радиационной опасности, подлежат регистрации в порядке, установленном Правительством РФ.

Постановлением Правительства РФ от 19 ноября 2012 г. № 1184 утверждены соответствующие Правила регистрации организаций, осуществляющих деятельность по эксплуатации радиационных источников, содержащих в своем составе только радионуклидные источники четвертой и пятой категорий радиационной опасности.

В соответствии с названными Правилами регистрация производится Федеральной службой по экологическому, технологическому и атомному надзору путем внесения записи в реестр организаций, осуществляющих деятельность по эксплуатации радиационных источников, содержащих в своем составе только радионуклидные источники четвертой и пятой категорий радиационной опасности.

Объективная сторона правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 9.6 КоАП РФ, состоит в несоблюдении установленных федеральными законами, иными нормативными правовыми актами, а также техническими документами условий, запретов, ограничений и других обязательных требований, обеспечивающих безопасность в области использования атомной энергии.

Соответственно, заявитель, эксплуатирующий хроматограф, содержащий в своем составе радионуклидный источник пятой категории радиационной опасности Ni-63, подлежал регистрации в порядке, установленном постановлением Правительства РФ от 19 ноября 2012 г. № 1184, а при нарушении данного требования мог быть привлечен к ответственности по ч. 1 ст. 9.6 КоАП РФ.

В соответствии с ч. 3 ст. 3 Закона № 170-ФЗ его действие не распространяется на объекты, содержащие или использующие ядерные материалы и радиоактивные вещества в количествах и с активностью (и (или) испускающие ионизирующее излучение с интенсивностью или энергией) менее

установленных федеральными нормами и правилами в области использования атомной энергии значений, для которых требуются разрешения федеральных органов исполнительной власти в области государственного регулирования безопасности при использовании атомной энергии при осуществлении деятельности с указанными объектами, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации.

Указанная норма касается объектов, содержащих или использующих ядерные материалы и радиоактивные вещества, количества и активность, а также интенсивность ионизирующего излучения которых превышает минимально значимые показатели, установленные федеральными нормами и правилами в области использования атомной энергии, а не субъектов, обязанность которых по регистрации установлена в ч. 5 ст. 36¹ Закона № 170-ФЗ.

На основании изложенного в деяниях заявителя имели место признаки объективной стороны и все элементы состава вмененного административного правонарушения.

Определение № 306-ЭС19-4642

41. Хозяйствующий субъект, осуществляющий торговую деятельность по продаже продовольственных товаров посредством организации торговой сети, не лишен возможности по взысканию с поставщиков в качестве убытков наложенных на него за реализацию некачественной продукции административных штрафов.

Между обществом и организацией заключен договор поставки продовольственных товаров. В связи с реализацией обществом товаров, произведенных организацией с нарушением требований технических регламентов по показателю БГКП (колиформы), общество признано виновным в совершении административного правонарушения по ч. 2 ст. 14.43 КоАП РФ с назначением наказания в виде штрафа.

Впоследствии общество на основании пункта договора поставки, содержащего условие о возмещении поставщиком расходов и штрафных санкций, в случае если на поставленный поставщиком и реализуемый покупателем товар в течение его срока годности и при соблюдении покупателем условий хранения был наложен штраф государственными контролирующими органами и (или) товар был снят с реализации, заявило требование к организации о возмещении убытков, понесенных в связи с наложением штрафа, которые были оплачены организацией.

Постановлением административного органа общество привлечено к административной ответственности, предусмотренной ч. 7 ст. 14.42 КоАП РФ, за нарушение требований п. 4 ч. 13 ст. 9 Федерального закона от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ “Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации” (далее — Закон № 381-ФЗ), выразившееся в совершении действий по возмещению расходов, не связанных с исполнением договора поставки продовольственных товаров.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании постановления административного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и признала незаконным постанов-

ление административного органа, обратив внимание на следующее.

В соответствии с п. 1 ст. 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере.

Действующее законодательство и практика его применения не исключают возможности взыскания лицом, которое уплатило наложенные на него административные штрафы, соответствующих сумм в качестве убытков с другого лица. Правовая позиция по данному вопросу была изложена в том числе в определении Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 307-ЭС17-11637.

Пункт 4 ч. 13 ст. 9 Закона № 381-ФЗ предусматривает, что хозяйствующим субъектам, осуществляющим торговую деятельность по продаже продовольственных товаров посредством организации торговой сети, и хозяйствующим субъектам, осуществляющим поставки продовольственных товаров в торговые сети, запрещается возмещение расходов, не связанных с исполнением договора поставки продовольственных товаров и последующей продажей конкретной партии таких товаров.

Корреспондирующее положение ч. 7 ст. 14.42 КоАП РФ устанавливает, что совершение хозяйствующим субъектом, осуществляющим торговую деятельность по продаже продовольственных товаров посредством организации торговой сети, и (или) хозяйствующим субъектом, осуществляющим поставки продовольственных товаров в торговые сети, запрещенных федеральным законом действий по взиманию платы, внесению платы либо возмещению расходов влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от двадцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц — от одного миллиона до пяти миллионов рублей.

Следовательно, взыскание обществом с организации административного штрафа по ч. 2 ст. 14.43 КоАП РФ, наложенного на него, может быть охарактеризовано как возмещение расходов, связанных с исполнением договора поставки продовольственных товаров и последующей продажей конкретной партии таких товаров.

Следует отметить, что п. 4 ч. 13 ст. 9 Закона № 381-ФЗ и ч. 7 ст. 14.42 КоАП РФ были введены в указанные нормативные акты Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 273-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации” и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях” (далее — Закон № 273-ФЗ), вступившим в силу с 15 июля 2016 г.

При этом ни из Закона № 273-ФЗ, ни из доступных материалов к законопроекту № 704631-6 прямо и однозначно не следует, что хозяйствующий субъект, осуществляющий торговую деятельность по продаже продовольственных товаров посредством организации торговой сети, на основании рассматриваемой нормы Закона № 381-ФЗ с 15 июля 2016 г. лишен возможности по взысканию с поставщиков в качестве убытков наложенных на него за реализацию некачественной продукции административных штрафов.

На основании изложенного в деяниях общества отсутствовали признаки административного правонарушения, предусмотренного ч. 7 ст. 14.42 КоАП РФ.

Таким образом, оспариваемое решение административного органа о привлечении к административной ответственности подлежит признанию незаконным и отмене.

Определение № 309-ЭС19-6011

42. Невыполнение обязанности по доведению до потребителей информации о порядке, условиях и обязательности замены установленных в жилых помещениях счетчиков влечет применение административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.8 КоАП РФ.

В августе 2018 г. работники общества убедили трех граждан в необходимости замены электросчетчиков, в связи с чем эти граждане купили электросчетчики и по их заявкам общество заменило старые счетчики на новые с опломбированием пломбой общества. При этом общество не проинформировало граждан о необходимости подачи заявки о замене счетчика в энергосбытовую организацию и опломбирования нового счетчика пломбой энергосбытовой организации, что, как следует из жалоб граждан, привело к начислению платы за безучетное потребление электроэнергии.

Постановлением административного органа общество привлечено к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.8 КоАП РФ, за недоведение до граждан информации о порядке учета коммунальных услуг с использованием приборов учета, предусмотренной разделом VII Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354 (далее — Правила предоставления коммунальных услуг), и о необходимости обращения в энергосбытовую организацию с заявкой на ввод прибора учета электроэнергии в эксплуатацию.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании постановления административного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции требования общества удовлетворено частично, обжалуемое постановление отменено в части, штраф снижен.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено в части отказа в удовлетворении требований, в этой части принято новое решение, требования удовлетворены, постановление признано незаконным и отменено.

При этом суд исходил из того, что общество довело до сведения двух граждан информацию о порядке учета коммунальных услуг с использованием приборов учета, о необходимости ввода в эксплуатацию таких приборов учета, а также о том, что надлежащих доказательств замены прибора учета третьему гражданину не представлено. На основании этого суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что имеются неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, вследствие чего штраф применен к обществу необоснованно.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление суда апелляционной инстанции и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Пунктом 1 ст. 10 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 “О защите прав потребителей” предусмотрена обязанность изготовителя (исполнителя, продавца) своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную

информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность их правильного выбора. По отдельным видам товаров (работ, услуг) перечень и способы доведения информации до потребителя устанавливаются Правительством РФ.

Согласно п. 145 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442 (далее — Основные положения), собственник энергопринимающих устройств (объектов по производству электрической энергии (мощности)), в границах которых такой прибор учета установлен, несет обязанность по обеспечению сохранности и целостности прибора учета, а также пломб и (или) знаков визуального контроля, по снятию, хранению и предоставлению его показаний в соответствии с указанным документом, по своевременному информированию собственника прибора учета о его выходе из строя (его утрате или неисправности), а также по возобновлению учета электрической энергии в отношении таких энергопринимающих устройств (объектов по производству электрической энергии (мощности)) путем установки нового прибора учета в случае выхода из строя ранее установленного прибора учета.

На основании п. 149 Основных положений собственник энергопринимающих устройств (объектов по производству электрической энергии (мощности)), имеющий намерение демонтировать в целях замены, ремонта или поверки прибор учета, ранее установленный в отношении таких энергопринимающих устройств (объектов по производству электрической энергии (мощности)) обязан направить способом, позволяющим подтвердить факт получения, письменную заявку о необходимости снятия показаний существующего прибора учета, осмотра его состояния и схемы подключения до его демонтажа. Заявка должна содержать предлагаемые дату и время осуществления указанных в заявке действий, но не ранее 7 рабочих дней со дня ее направления.

Согласно пп. 80, 81 Правил предоставления коммунальных услуг учет объема (количества) коммунальных услуг, предоставленных потребителю в жилом или в нежилом помещении, осуществляется с использованием индивидуальных, общих (квартирных), комнатных приборов учета. Оснащение жилого или нежилого помещения приборами учета, ввод установленных приборов учета в эксплуатацию, их надлежащая техническая эксплуатация, сохранность и своевременная замена должны быть обеспечены собственником жилого или нежилого помещения. Ввод установленного прибора учета в эксплуатацию, т.е. документальное оформление прибора учета в качестве прибора учета, по показаниям которого осуществляется расчет размера платы за коммунальные услуги, осуществляется исполнителем в том числе на основании заявки собственника жилого или нежилого помещения, поданной исполнителю.

При этом в силу п. 35 названных Правил потребитель не вправе самовольно нарушать пломбы на приборах учета и в местах их подключения (крепления), демонтировать приборы учета и осуществлять несанкционированное вмешательство в работу указанных приборов учета.

Для выполнения таких действий потребитель должен привлекать энергоснабжающую организацию или иную организацию, отвечающую требованиям, установленным законодательством

Российской Федерации для осуществления таких действий.

В соответствии с ч. 1 ст. 14.8 КоАП РФ нарушение права потребителя на получение необходимой и достоверной информации о реализуемом товаре (работе, услуге), об изготовителе, о продавце, об исполнителе и о режиме их работы влечет предупреждение или наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от пяти сот до одной тысячи рублей; на юридических лиц — от пяти тысяч до десяти тысяч рублей.

Суды установили, что указанные граждане-потребители, приобретавшие приборы учета у общества, самостоятельно не обращались в общество с целью их приобретения, т.е. изначально не имели намерения приобрести и установить новые приборы учета электрической энергии в своих квартирах. Представители общества реализовали приборы учета по месту жительства граждан, убедив их в необходимости замены электрических счетчиков.

В данных условиях необходимая и достоверная информация о реализуемом товаре (работе, услуге) определенно должна включать сведения о том, установлена ли законодательством обязанность по замене счетчиков (а если установлена, то каким именно нормативным актом и при каких условиях); и, соответственно, могут ли граждане в настоящее время продолжать использовать имеющиеся у них в жилых помещениях счетчики без замены. Из материалов дела и судебных актов не следует, что общество довело до граждан-потребителей такую информацию.

Таким образом, в действиях общества имеется состав административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 14.8 КоАП РФ.

Определение № 310-ЭС19-7900

43. Автобус, используемый для осуществления регулярных перевозок пассажиров с нарушением установленного порядка — при отсутствии карты маршрута регулярных перевозок, наличие которой является обязательным, признается орудием совершения административного правонарушения, и в целях пресечения правонарушения в отношении его может быть применена обеспечительная мера в виде ареста.

При проведении планового (рейдового) осмотра на остановке общественного транспорта установлен факт осуществления на принадлежащем предпринимателю автобусе регулярной перевозки пассажиров при отсутствии у водителя карты маршрута регулярных перевозок, наличие которой является обязательным.

Указанные обстоятельства послужили основанием для возбуждения дела об административном правонарушении. В качестве меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении на автобус наложен арест.

Постановлением административного органа водитель автобуса привлечен к административной ответственности, предусмотренной ч. 4 ст. 11.33 КоАП РФ, в виде предупреждения. Арестованный автобус возвращен в связи с окончанием производства по делу об административном правонарушении.

Не согласившись с действиями административного органа по аресту автобуса, предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением о признании указанных действий незаконными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении требований предпринимателя отказано.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, заявление предпринимателя удовлетворено.

При этом суд ссылаясь на то, что при возбуждении дела об административном правонарушении, предусмотренном ч. 4 ст. 11.33 КоАП РФ, транспортное средство не может являться орудием совершения этого правонарушения, а также не является предметом указанного правонарушения, и пришел к выводу об отсутствии у административного органа оснований для принятия в рамках дела об административном правонарушении по ч. 4 ст. 11.33 КоАП РФ такой обеспечительной меры, как наложение ареста на транспортное средство.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции, указав следующее.

В соответствии с ч. 1 ст. 27.1 КоАП РФ в целях пресечения административного правонарушения, установления личности нарушителя, составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении и исполнения принятого по делу постановления уполномоченное лицо вправе в пределах своих полномочий применять меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, в частности в виде ареста транспортных средств.

Выявив факт осуществления на принадлежащем предпринимателю автобусе регулярной перевозки пассажиров при отсутствии у водителя карты маршрута регулярных перевозок, наличие которой является обязательным, сотрудник административного органа совершил предусмотренные Кодексом действия, направленные на пресечение правонарушения — нарушение порядка использования автобуса для осуществления регулярных перевозок пассажиров.

При этом автобус, используемый для осуществления регулярных перевозок пассажиров с нарушением установленного порядка — при отсутствии карты маршрута регулярных перевозок, наличие которой является обязательным, — признается орудием совершения административного правонарушения.

Порядок использования автобуса для осуществления регулярных перевозок пассажиров устанавливается в том числе в целях обеспечения безопасности дорожного движения. Нарушение установленного порядка использования автобуса для осуществления регулярных перевозок пассажиров, в том числе использование автобуса для таких перевозок без карты маршрута по произвольному (незарегистрированному) маршруту регулярных перевозок, нарушает безопасность дорожного движения, снижая степень защищенности участников дорожного движения от дорожно-транспортных происшествий и их последствий.

Таким образом, действия административного органа по наложению ареста на транспортное средство совершены в соответствии с ч. 1 ст. 27.1 и ст. 27.14 КоАП РФ в целях пресечения административного правонарушения, и указанная мера обеспечения соразмерна задачам производства по делу об административном правонарушении с

учетом степени общественной опасности деяния. Нарушений требований названного Кодекса при совершении действий по наложению ареста на транспортное средство административным органом допущено не было.

Определение № 310-ЭС19-6050

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Процессуальные вопросы

44. Суд кассационной инстанции отменил постановление суда о возвращении уголовного дела прокурору в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК РФ, в связи с отсутствием оснований, препятствующих его рассмотрению судом.

По постановлению суда (оставленному без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций) уголовное дело в отношении С., Л. и Я., обвиняемых в совершении растраты чужого имущества, вверенного виновным, с использованием ими своего служебного положения, организованной группой, в особо крупном размере, возвращено прокурору на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий рассмотрения его судом.

Заместитель Генерального прокурора РФ в кассационном представлении просил об отмене постановления суда и о направлении уголовного дела в суд первой инстанции для его рассмотрения по существу. Автор представления обращал внимание на то, что выводы суда первой инстанции о необходимости возвращения уголовного дела прокурору являются преждевременными, сделанными без оценки всех представленных доказательств.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила постановление суда и последующие судебные решения, а уголовное дело передала на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции иным составом суда по следующим основаниям.

Статья 237 УПК РФ закрепляет порядок и основания возвращения уголовного дела прокурору по ходатайству стороны или по собственной инициативе для устранения препятствий его рассмотрения судом.

Согласно разъяснению, данному в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28 “О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству” (с последующими изменениями), к нарушениям, позволяющим возвратить уголовное дело прокурору, относятся случаи, когда обвинение, изложенное в обвинительном заключении, не соответствует обвинению, изложенному в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого; обвинительное заключение не подписано следователем либо не согласовано с руководителем следственного органа или не утверждено прокурором; в обвинительном заключении отсутствуют указание на прошлые неснятые и непогашенные судимости обвиняемого, данные о месте нахождения обвиняемого, данные о потерпевшем, если он был установлен по делу.

Как следует из материалов уголовного дела, в обвинительном заключении указаны существо обвинения, место и время совершения преступлений, его способы, мотивы, цели, последствия, суммы причиненного ущерба и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголов-

ного дела, а также перечень доказательств, подтверждающих обвинение, и доказательств, на которые ссылается сторона защиты.

Между тем в постановлении суд указал на отсутствие в обвинительном заключении описания преступных действий, свидетельствующих о намерениях или действительном получении обвиняемыми незаконного вознаграждения, и описания доказательств личной корыстной заинтересованности обвиняемых в совершении растраты. Однако по смыслу закона как растрата квалифицируются противоправные действия лица, которое в корыстных целях истратило вверенное ему имущество против воли собственника, в том числе путем его передачи другим лицам, включая юридические, круг которых не ограничен соучастниками виновного и близкими ему лицами.

Утверждение суда о необходимости допросов следователем специалистов и экспертов, включенных в список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, а в противном случае обвинительное заключение не соответствует требованиям ст. 220 УПК РФ, является несостоятельным. Эксперты и специалисты были включены следователем в данный список по ходатайству стороны защиты, которое было заявлено и удовлетворено после выполнения обвиняемыми требований ст. 217 УПК РФ, т.е. по окончании предварительного следствия. При этом сторона защиты не ходатайствовала о допросе в ходе следствия специалистов и экспертов, а лишь просила включить их в список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание.

Преждевременным является и вывод суда о неполноте экспертного заключения, поскольку, как следует из протокола судебного заседания, исследование доказательств по делу не завершено, а в случае возникновения у суда сомнений в правильности, объективности и полноте заключения эксперта они могли быть разрешены судом путем допроса в судебном заседании экспертов, участвовавших в проведении экспертизы, постановки перед ними соответствующих вопросов, исследования всех представленных сторонами доказательств, в том числе допросов специалистов, заявленных стороной защиты, и последующей оценки доказательств в совокупности. Кроме того, суд не лишен возможности назначения дополнительной либо повторной экспертизы.

Таким образом, суд, не завершив судебное следствие, не предоставив сторонам обвинения и защиты возможность в полном объеме представить все доказательства, не исследовав их в совокупности, фактически дал оценку доказательствам, изложенным в обвинительном заключении, а также сослался на обстоятельства, не предусмотренные ст. 237 УПК РФ, и возвратил уголовное дело прокурору.

Определение № 5-УД19-106

45. При пересмотре судебного решения в кассационном порядке суд вправе вынести определение, влекущее ухудшение положения осужденного, лишь по тому правовому основанию и по тем доводам, которые указаны в кассационном представлении или кассационной жалобе потерпевшего.

По приговору суда от 23 марта 2012 г. (оставленному без изменения судом кассационной инстанции) Т., ранее судимый 18 марта 2011 г. по ч. 3 ст. 30, п. “б” ч. 2 ст. 228¹, ч. 3 ст. 30, п. “г” ч. 3 ст. 228¹, ч. 1 ст. 228 УК РФ, с учетом ч. 3 ст. 69 УК РФ к одиннадцати годам лишения свободы, осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ к девяти годам лишения свободы. В соответствии с ч. 5 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем час-

тичного сложения назначенного наказания и наказания по приговору от 18 марта 2011 г. окончательно Т. назначено тринадцать лет лишения свободы.

Постановлением Амурского городского суда Хабаровского края от 13 августа 2015 г. приговор от 23 марта 2012 г. изменен. На основании ч. 5 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний, назначенных по данному приговору и по приговору от 18 марта 2011 г., окончательно осужденному назначено двенадцать лет лишения свободы.

Апелляционным постановлением Хабаровского краевого суда от 13 октября 2015 г. указанное постановление оставлено без изменения.

Постановлением президиума Хабаровского краевого суда от 17 октября 2016 г. указанные постановление и апелляционное постановление отменены. Производство по ходатайству осужденного Т. о пересмотре приговора от 23 марта 2012 г. прекращено.

В кассационной жалобе и дополнениях к ней осужденный Т. просил отменить постановление президиума от 17 октября 2016 г. и решить вопрос о смягчении ему наказания по ч. 5 ст. 69 УК РФ в связи с изменениями, внесенными в предыдущий приговор.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила постановление президиума от 17 октября 2016 г., а кассационную жалобу осужденного Т. передала на новое кассационное рассмотрение в Девятый кассационный суд общей юрисдикции по следующим основаниям.

Президиум Хабаровского краевого суда, отменяя судебные решения, не учел, что в соответствии с разъяснениями п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 2 “О применении норм главы 47¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции”¹ при пересмотре судебного решения в кассационном порядке суд вправе вынести постановление (определение), влекущее ухудшение положения осужденного, оправданного или лица, дело в отношении которого прекращено, лишь по тому правовому основанию и по тем доводам, которые указаны в кассационном представлении прокурора, кассационной жалобе потерпевшего, его законного представителя или представителя.

Помимо этого, в соответствии с п. 22 указанного постановления Пленума, с учетом положений ч. 1 ст. 401¹⁶ УПК РФ в их взаимосвязи с положениями ст. 6 УПК РФ, определяющей назначение уголовного судопроизводства, суду кассационной инстанции надлежит устранять все выявленные в судебном заседании существенные нарушения уголовного закона (его неправильное применение) и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, если их устранение влечет улучшение положения обвиняемого, подсудимого, осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, или иного лица, в отношении которого ведется кассационное производство по делу.

Таким образом, учитывая, что пересмотр судебного решения в кассационном порядке в сторону ухудшения положения осужденного допус-

¹ Данное постановление Пленума Верховного Суда РФ действовало на момент вынесения постановления президиума Хабаровского краевого суда от 17 октября 2016 г.

кается только по жалобе потерпевшего или по представлению прокурора, президиум Хабаровского краевого суда, пересматривая 17 октября 2016 г. постановление и апелляционное постановление только по жалобе осужденного Т. и отменив постановление, по которому осужденному было смягчено наказание по ч. 5 ст. 69 УК РФ, тем самым принял решение, ухудшающее его положение.

Определение № 58-УД19-14

46. Отмена оправдательного приговора по мотивам нарушения права обвиняемого на защиту не допускается. Оправдательный приговор может быть изменен по указанным мотивам лишь в части, касающейся основания оправдания, по жалобе оправданного, его защитника, законного представителя и (или) представителя.

По приговору суда от 9 января 2017 г. Д. оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 238 УК РФ, на основании п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ за отсутствием в его действиях состава преступления с признанием за ним права на реабилитацию.

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Карачаево-Черкесской Республики указанный приговор отменен и постановлен апелляционный приговор от 2 мая 2017 г., которым Д. оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 238 УК РФ, на основании п. 2 ч. 2 ст. 302 и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ ввиду непричастности к совершению преступления.

Постановлением президиума Верховного Суда Карачаево-Черкесской Республики от 26 июля 2018 г. апелляционный приговор отменен и уголовное дело передано на новое апелляционное рассмотрение в тот же суд в ином составе судей.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Карачаево-Черкесской Республики от 26 февраля 2019 г. оправдательный приговор от 9 января 2017 г. отменен, уголовное дело по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 238 УК РФ, направлено прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

В кассационных жалобах адвокат в защиту интересов Д. просил отменить постановление президиума, считая, что суд кассационной инстанции необоснованно отменил апелляционный приговор, поскольку поводом для пересмотра оправдательного приговора явилась жалоба потерпевшей с доводами, ухудшающими положение Д.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила постановление президиума от 26 июля 2018 г. и апелляционное определение от 26 февраля 2019 г., уголовное дело передала на новое кассационное рассмотрение в суд кассационной инстанции другого субъекта Российской Федерации, указав следующее.

Президиум Верховного Суда Карачаево-Черкесской Республики при рассмотрении уголовного дела по жалобе потерпевшей указал, что не вправе принять решение о повороте к худшему, поскольку истек годичный срок со дня вступления оправдательного приговора в законную силу. Вместе с тем со ссылкой на ч. 1 ст. 401¹⁶ УПК РФ президиум пришел к выводу, что суд апелляционной инстанции при вынесении оправдательного приговора ухудшил положение Д., изменив основание оправдания, в связи с чем отменил оправдательный апелляционный приговор от 2 мая

2017 г. с направлением уголовного дела на новое апелляционное рассмотрение.

Как следует из материалов уголовного дела, по итогам нового апелляционного рассмотрения оправдательный приговор от 9 января 2017 г. отменен и уголовное дело по обвинению Д. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 238 УК РФ, направлено прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом. В итоге Д., ранее оправданный по уголовному делу, вновь приобрел процессуальный статус обвиняемого.

Таким образом, президиум допустил ухудшение правового положения оправданного Д. вопреки требованиям ст. 401⁶ УПК РФ, в силу которой пересмотр в кассационном порядке приговора по основаниям, влекущим ухудшение положения оправданного, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления его в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

При этом выводы президиума относительно возможности отмены оправдательного приговора в целях изменения основания оправдания сделаны без учета разъяснений, содержащихся в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 “О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве”, согласно которым отмена оправдательного приговора по мотивам нарушения права обвиняемого на защиту не допускается. Оправдательный приговор может быть изменен по указанным мотивам лишь в части, касающейся основания оправдания, по жалобе оправданного, его защитника, законного представителя и (или) представителя.

Как видно из материалов дела, ни оправданный Д., ни его защитник не ходатайствовали об изменении основания оправдания.

Определение № 30-УД19-6

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

47. Положения ч. 3 ст. 89 УИК РФ предусматривают право осужденных лиц на замену длительного свидания краткосрочным, а краткосрочного или длительного свидания — телефонным разговором. При этом право замены свидания телефонным разговором является самостоятельным правом, не зависящим от права на телефонные разговоры.

И., отбывающий наказание в виде пожизненного лишения свободы в колонии особого режима, обратился в суд с административным иском заявлением о признании незаконным решения начальника исправительного учреждения об отказе в замене краткосрочного свидания на телефонный разговор. В обоснование заявленных требований он указал, что в июне 2018 г. обратился к начальнику исправительного учреждения с заявлением о замене краткосрочного свидания на телефонный разговор с родной сестрой на основании ч. 3 ст. 89 УИК РФ, однако в удовлетворении указанного заявления ему было отказано со ссылкой на то, что осужденным, находящимся в строгих условиях отбывания наказания, телефонный разговор может быть разрешен лишь при исключительных личных обстоятельствах.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной ин-

станции, в удовлетворении административного искового заявления отказано. При этом суд исходил из того, что в соответствии с положениями Уголовно-исполнительного кодекса РФ осужденным, находящимся в строгих условиях отбывания наказания, предоставляются два краткосрочных свидания и одно длительное свидание в течение года и не предусмотрена возможность их замены на телефонный разговор. Данные ограничения направлены на индивидуализацию и дифференциацию условий отбывания наказания и создают предпосылки для достижения целей наказания, которыми согласно ч. 2 ст. 43 УК РФ являются восстановление справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и приняла новое решение об удовлетворении административного искового заявления по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 82 УИК РФ режим в исправительных учреждениях — это установленный законом и соответствующими актами нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания.

Глава 13 УИК РФ регламентирует условия отбывания наказания в исправительных учреждениях.

В частности, ст. 89 УИК РФ регламентирует порядок предоставления свиданий, на которые имеют право осужденные к лишению свободы.

Согласно данной статье осужденным к лишению свободы предоставляются краткосрочные свидания продолжительностью четыре часа и длительные свидания продолжительностью трое суток на территории исправительного учреждения. В предусмотренных указанным Кодексом случаях осужденным могут предоставляться длительные свидания с проживанием вне исправительного учреждения продолжительностью пять суток. В этом случае начальником исправительного учреждения определяются порядок и место проведения свидания (ч. 1).

Краткосрочные свидания предоставляются с родственниками или иными лицами в присутствии представителя администрации исправительного учреждения. Длительные свидания предоставляются с правом совместного проживания с супругом (супругой), родителями, детьми, усыновителями, усыновленными, родными братьями и сестрами, дедушками, бабушками, внуками, а с разрешения начальника исправительного учреждения — с иными лицами (ч. 2).

Осужденным по их просьбе разрешается заменять длительное свидание краткосрочным, краткосрочное или длительное свидание телефонным разговором. Порядок замены одного вида свидания другим устанавливается федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний (ч. 3).

Таким образом, приведенные положения ч. 3 ст. 89 УИК РФ предусматривают право осужденных лиц на замену длительного свидания краткосрочным, а краткосрочного или длительного свидания — телефонным разговором. При этом право замены свидания телефонным разговором является самостоятельным правом, не зависящим от права на телефонные разговоры.

Право осужденных на телефонные разговоры закреплено в ст. 92 УИК РФ.

Согласно положениям названной статьи осужденным к лишению свободы предоставляется право на телефонные разговоры. При отсутствии технических возможностей администрацией исправительного учреждения количество телефонных разговоров может быть ограничено до шести в год. Продолжительность каждого разговора не должна превышать 15 минут (ч. 1); осужденным, находящимся в строгих условиях отбывания наказания, а также отбывающим меру взыскания в штрафных изоляторах, дисциплинарных изоляторах, помещениях камерного типа, единых помещениях камерного типа и одиночных камерах, телефонный разговор может быть разрешен лишь при исключительных личных обстоятельствах (ч. 3).

Пунктом 89 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295, предусмотрено, что осужденным, находящимся в запираемых помещениях строгих условий отбывания наказания, а также отбывающим меру взыскания в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ и одиночных камерах, телефонный разговор может быть разрешен лишь при наличии исключительных личных обстоятельств.

При этом предоставление в исключительных случаях такому осужденному права на телефонный разговор не влияет на право осужденного, отбывающего наказание в строгих условиях, на два краткосрочных свидания и одно длительное свидание в течение года, которые осужденному, отбывающему наказание в строгих условиях, положены в силу п. “б” ч. 3 ст. 125 УИК РФ.

Из материалов административного дела следовало, что И. не просил предоставить ему право на телефонный разговор в соответствии со ст. 92 УИК РФ, а просил заменить положенное ему краткосрочное свидание телефонным разговором, что предусмотрено ч. 3 ст. 89 УИК РФ.

Каких-либо ограничений, касающихся замены по просьбе осужденного, отбывающего наказание в строгих условиях, краткосрочного или длительного свидания телефонным разговором, ст. 89 и иные положения Кодекса не содержат.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия пришла к выводу о том, что оспариваемое решение начальника исправительного учреждения об отказе И. в замене краткосрочного свидания телефонным разговором является незаконным, а административное исковое заявление И. подлежит удовлетворению.

Определение № 58-КА19-6

48. Размер арендной платы за земельные участки, находящиеся в муниципальной собственности и предоставленные для проведения работ, связанных с использованием недр, не может превышать размер арендной платы, рассчитанный для соответствующих целей в отношении земельных участков, находящихся в федеральной собственности.

Общество обратилось в суд с административным иском о признании недействующим отдельного положения решения пред-

ставительного органа муниципального образования об утверждении ставок арендной платы за использование земельных участков, находящихся в собственности муниципального образования. Названным положением значение ставки арендной платы за использование земельных участков, предназначенных для разработки и добычи полезных ископаемых, установлено в размере 1,1. Общество полагало, что установление такого правового регулирования привело к произвольному и ничем не обоснованному увеличению размера арендной платы.

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление удовлетворено.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ решение суда оставила без изменения, указав следующее.

До вступления в силу оспариваемого в части решения представительного органа муниципального образования размер ставки арендной платы за земельные участки, предназначенные для разработки полезных ископаемых, недропользования составлял 0,55.

Согласно ст. 65 ЗК РФ использование земли в Российской Федерации является платным. Формами платы за использование земли являются земельный налог (до введения в действие налога на недвижимость) и арендная плата.

Как следует из подп. 3 п. 3 ст. 39⁷ ЗК РФ, порядок определения размера арендной платы за земельные участки, находящиеся в муниципальной собственности и предоставленные в аренду без торгов, устанавливается органом местного самоуправления в отношении земельных участков, находящихся в муниципальной собственности.

В соответствии с п. 4 ст. 39⁷ ЗК РФ размер арендной платы за земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности и предоставленные для размещения объектов, предусмотренных п. 2 ст. 49 данного Кодекса, а также для проведения работ, связанных с использованием недр, не может превышать размер арендной платы, рассчитанный для соответствующих целей в отношении земельных участков, находящихся в федеральной собственности.

Постановлением Правительства РФ от 16 июля 2009 г. № 582 утверждены Правила определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации.

Согласно подп. “д” п. 3 данных Правил в случае предоставления земельного участка в аренду без проведения торгов для целей, указанных в названном пункте, арендная плата определяется на основании кадастровой стоимости земельного участка и рассчитывается в размере 2% в отношении земельного участка, предоставленного недропользователю для проведения работ, связанных с использованием недр.

Из материалов дела следовало, что значение ставки арендной платы за земельные участки, предназначенные для разработки и добычи полезных ископаемых, установленное оспариваемым пунктом решения, повлекло превышение размера арендной платы, предусмотренного п. 4 ст. 39⁷ ЗК РФ и подп. “д” п. 3 названных выше Правил.

Так, в нарушение указанных норм арендная плата стала составлять 110% от кадастровой стоимости вместо 2% от кадастровой стоимости.

В связи с этим суд первой инстанции обоснованно пришел к выводу о том, что оспариваемая

ставка установлена с нарушением требований действующего законодательства.

Определение № 56-АПА19-17

Практика применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

49. Производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 19.29 КоАП РФ, постановлением судьи Верховного Суда РФ было прекращено со ссылкой на отсутствие у работодателя сведений о ранее замещаемой принятым на работу сотрудником должности государственной (муниципальной) службы, включенной в установленный нормативными правовыми актами перечень.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда и постановлением заместителя председателя городского суда, генеральный директор организации П. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.29 КоАП РФ, с назначением ему административного наказания в виде административного штрафа.

Данной статьей установлена административная ответственность за привлечение работодателем либо заказчиком работ (услуг) к трудовой деятельности государственного или муниципального служащего, замещающего должность, включенную в перечень, установленный нормативными правовыми актами, либо бывшего государственного или муниципального служащего, замещавшего такую должность, с нарушением требований, предусмотренных Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ “О противодействии коррупции”.

В рассматриваемом случае организацией был заключен трудовой договор с И. (ранее проходившим службу в органах внутренних дел Российской Федерации), в соответствии с которым последний принят на должность заместителя генерального директора по безопасности, однако в нарушение требований ч. 4 ст. 12 указанного Закона организацией, генеральным директором которой является П., своевременно не сообщено о заключении данного договора представителю нанимателя (работодателю) государственного служащего по последнему месту его службы.

В п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 ноября 2017 г. № 46 “О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судьями дел о привлечении к административной ответственности по статье 19.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях” Верховный Суд РФ разъяснил, что невыполнение бывшим государственным (муниципальным) служащим обязанности по сообщению сведений о замещаемой им в течение двух лет должности государственной (муниципальной) службы, включенной в Перечни, при отсутствии у работодателя сведений о ранее замещаемой этим лицом должности государственной (муниципальной) службы, включенной в Перечни, свидетельствует об отсутствии оснований для привлечения работодателя к административной ответственности по указанной статье Кодекса.

Данная позиция, направленная на недопущение необоснованного привлечения к административной ответственности работодателей, не имеющих законных способов получения сведений о предыдущем месте работы гражданина, на-

шла отражение при рассмотрении дела об административном правонарушении в Верховном Суде РФ.

В постановлении судьи Верховного Суда РФ указано на то, что при невозможности получения соответствующей информации из трудовой книжки гражданина или других представленных им при трудоустройстве документов у работодателя, заключающего с ним трудовой договор, отсутствует обязанность самостоятельно устанавливать путем запроса от иных лиц сведения о должности государственного или муниципального служащего, занимаемой им ранее.

Со ссылкой на разъяснения, содержащиеся в названном выше пункте постановления Пленума Верховного Суда РФ (и в пп. 6 и 7 Обзора судебной практики по делам о привлечении к административной ответственности, предусмотренной ст. 19.29 КоАП РФ, утвержденною Президиумом Верховного Суда РФ 30 ноября 2016 г.), производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 19.29 КоАП РФ, постановлением судьи Верховного Суда РФ было прекращено, поскольку у работодателя на момент трудоустройства И. не имелось сведений о ранее замещаемой принятым на работу сотрудником должности государственной (муниципальной) службы, включенной в установленный нормативными правовыми актами перечень.

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Процессуальные вопросы

Вопрос 1. В каком порядке передается дело из суда общей юрисдикции в арбитражный суд при наличии у истца, административного истца права на выбор подсудности?

Ответ. В соответствии с ч. 2¹ ст. 33 ГПК РФ, ч. 2¹ ст. 27 КАС РФ, если при рассмотрении дела, административного дела в суде выяснилось, что оно подлежит рассмотрению арбитражным судом, суд передает дело в арбитражный суд, к подсудности которого оно отнесено законом.

Если процессуальным законодательством истцу предоставлена возможность выбора подсудности, суд общей юрисдикции, принимая во внимание мнение истца относительно определения подсудности, изложенное им в исковом заявлении и/или в объяснениях, данных в ходе рассмотрения дела, выносит определение о передаче гражданского или административного дела с учетом данного мнения в соответствующий арбитражный суд.

Вопрос 2. Вправе ли арбитражный суд после поступления дела из суда общей юрисдикции, а суд общей юрисдикции — после поступления дела из арбитражного суда передать его на рассмотрение арбитражного суда того же уровня или другого суда общей юрисдикции в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 39 АПК РФ, ч. 2 ст. 33 ГПК РФ и ч. 2 ст. 27 КАС РФ?

Ответ. В соответствии с ч. 2¹ ст. 33 ГПК РФ, ч. 2¹ ст. 27 КАС РФ, если при рассмотрении дела, административного дела в суде выяснилось, что оно подлежит рассмотрению арбитражным судом, суд передает дело в арбитражный суд, к подсудности которого оно отнесено законом.

В силу ч. 4 ст. 39 АПК РФ, если при рассмотрении дела в арбитражном суде выяснилось, что оно подлежит рассмотрению судом общей юрисдикции, арбитражный суд передает дело в верховный суд республи-

ки, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области или суд автономного округа того же субъекта Российской Федерации для направления его в суд общей юрисдикции, к подсудности которого оно отнесено законом.

Вместе с тем после поступления дела из суда общей юрисдикции в арбитражный суд либо после поступления дела из арбитражного суда в суд общей юрисдикции, к подсудности которого оно отнесено законом, дело может быть передано в другой арбитражный суд, суд общей юрисдикции, если возникнут основания, предусмотренные ч. 2 ст. 33 ГПК РФ, ч. 2 ст. 39 АПК РФ и ч. 2 ст. 27 КАС РФ.

Вопрос 3. Сохраняет ли силу определение об обеспечении иска, о применении мер предварительной защиты после передачи дела из суда общей юрисдикции в арбитражный суд или из арбитражного суда в суд общей юрисдикции? Вправе ли суд, в который передано дело, отменить обеспечительные меры или меры предварительной защиты, заменить одну меру на другую?

Ответ. По результатам рассмотрения заявления о применении обеспечительных мер, о применении мер предварительной защиты судом общей юрисдикции, арбитражным судом может быть принято определение об обеспечении иска, о применении мер предварительной защиты в порядке, предусмотренном главой 13 ГПК РФ, главой 8 АПК РФ, главой 7 КАС РФ.

Если до передачи дела обеспечительные меры, меры предварительной защиты не отменены судом, принявшим соответствующее определение, либо судом вышестоящей инстанции не отменено определение об обеспечении иска, о применении мер предварительной защиты, то в случае удовлетворения иска данные меры сохраняют свое действие до фактического исполнения судебного акта, которым закончено рассмотрение дела по существу; в случае отказа в удовлетворении иска, оставления иска без рассмотрения, прекращения производства по делу указанные меры сохраняют свое действие до вступления в законную силу соответствующего судебного акта (ч. 3 ст. 144 ГПК РФ, чч. 4, 5 ст. 96 АПК РФ, ч. 3 ст. 89 КАС РФ).

Следовательно, после передачи дела из суда общей юрисдикции в арбитражный суд или из арбитражного суда в суд общей юрисдикции определение об обеспечении иска, о применении мер предварительной защиты сохраняет свою силу. При этом судом, в который передано дело, ранее принятые другим судом меры могут быть отменены или одна из таких мер может быть заменена другой в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством.

Вопрос 4. В какой суд и в каком порядке подлежит обжалованию определение об обеспечении иска, о применении мер предварительной защиты в случае передачи дела из суда общей юрисдикции в арбитражный суд или из арбитражного суда в суд общей юрисдикции?

Ответ. Определение об обеспечении иска, о применении мер предварительной защиты может быть обжаловано (ч. 1 ст. 145 ГПК РФ, ч. 7 ст. 93 АПК РФ, ч. 1 ст. 90 КАС РФ).

Частная жалоба, жалоба на данное определение может быть подана в суд общей юрисдикции в течение пятнадцати дней со дня вынесения определения (ст. 332 ГПК РФ, ч. 1 ст. 314 КАС РФ), в арбитражный суд — в срок, не превышающий месяца со дня его вынесения (ч. 3 ст. 188 АПК РФ).

В случае передачи судом общей юрисдикции дела в арбитражный суд в порядке, предусмотренном чч. 2¹, 3 ст. 33 ГПК РФ, чч. 2¹ и 3 ст. 27 КАС РФ, вынесенное судом общей юрисдикции определение об обеспечении иска, о применении мер предварительной защиты может быть обжаловано в суд общей юрисдикции апелляцион-

ной инстанции в срок, не превышающий пятнадцати дней со дня его вынесения.

В случае передачи арбитражным судом дела в суд общей юрисдикции в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 39 АПК РФ, вынесенное арбитражным судом определение об обеспечении иска может быть обжаловано в арбитражный суд апелляционной инстанции в срок, не превышающий месяца со дня его вынесения.

Вопрос 5. Вправе ли суд апелляционной, кассационной инстанции передать дело в суд общей юрисдикции или арбитражный суд?

Ответ. Если при рассмотрении апелляционной или кассационной жалобы, представления на решение, постановление будет установлено, что дело не подлежало рассмотрению в суде общей юрисдикции, арбитражном суде и лица, участвующие в деле, заявляли об этом при рассмотрении дела в суде первой инстанции, то судебные акты подлежат отмене, а дело — передаче, соответственно, в суд общей юрисдикции, арбитражный суд (ч. 1 ст. 327, п. 2 ч. 1 ст. 390 ГПК РФ, ч. 1 ст. 266, п. 3 ч. 1 ст. 287 АПК РФ, ч. 1 ст. 307, п. 2 ч. 1 ст. 329 КАС РФ).

Вопрос 6. Какими документами подтверждается соблюдение требований ч. 2 ст. 49 ГПК РФ, ч. 3 ст. 59 АПК РФ, ч. 1 ст. 55 КАС РФ о наличии высшего юридического образования или ученой степени по юридической специальности у лиц, выступающих представителями в суде?

Ответ. В соответствии с чч. 1, 2 ст. 49 ГПК РФ, чч. 3, 6 ст. 59 АПК РФ, ч. 1 ст. 55 КАС РФ представителями в суде могут быть дееспособные лица, имеющие высшее юридическое образование или ученую степень по юридической специальности (за исключением дел, рассматриваемых мировыми судьями и районными судами в порядке, предусмотренном Гражданским процессуальным кодексом РФ). Представители должны представить суду документы о своем образовании или об ученой степени по юридической специальности, а также документы, удостоверяющие их статус и полномочия.

Согласно пп. 2—4 ч. 5 ст. 10 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ “Об образовании в Российской Федерации” (далее — Закон об образовании) высшим образованием в Российской Федерации являются бакалавриат, специалитет, магистратура, подготовка кадров высшей квалификации.

Приказом Минобрнауки России от 12 сентября 2013 г. № 1061 утверждены перечни специальностей и направлений подготовки высшего образования с указанием квалификации.

Имеющими высшее юридическое образование признаются лица, прошедшие обучение по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры либо подготовки кадров высшей квалификации по направлению подготовки (специальности) “юриспруденция” с присвоением квалификации “бакалавр”, “магистр”, “юрист”, “судебный эксперт”, “исследователь”, “преподаватель-исследователь”.

Пунктами 2—5 ч. 7 ст. 60 Закона об образовании установлено, что высшее образование — бакалавриат подтверждается дипломом бакалавра; высшее образование — специалитет подтверждается дипломом

специалиста; высшее образование — магистратура подтверждается дипломом магистра; высшее образование — подготовка кадров высшей квалификации, осуществляемая по результатам освоения программ подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), подтверждается дипломом об окончании аспирантуры (адъюнктуры).

Согласно ч. 9 ст. 60 Закона об образовании лицам, освоившим программы подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) и защитившим в установленном законодательством Российской Федерации порядке научно-квалификационную работу (диссертацию) на соискание ученой степени кандидата наук, присваивается ученая степень кандидата наук по соответствующей специальности научных работников и выдается диплом кандидата наук.

С учетом изложенного, соблюдение требований ч. 2 ст. 49 ГПК РФ, ч. 3 ст. 59 АПК РФ, ч. 1 ст. 55 КАС РФ о наличии высшего юридического образования у лиц, выступающих представителями в суде, может подтверждаться дипломом бакалавра, дипломом специалиста, дипломом магистра, дипломом об окончании аспирантуры (адъюнктуры) по юридической специальности, дипломом кандидата наук или дипломом доктора наук.

Сведения о наличии у представителя высшего юридического образования, полученного до вступления в силу Закона об образовании, могут также подтверждаться иными документами, выданными в соответствии с ранее действовавшим правовым регулированием.

Документы об образовании представляются в суд в подлиннике или в форме надлежащим образом заверенной копии.

При этом под надлежащим заверением копии документа об образовании понимается, в частности:

заверение копии документа нотариусом;

заверение копии документа учреждением и организацией, от которых исходит соответствующий документ (абз. 1 п. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 августа 1983 г. № 9779-Х “О порядке выдачи и свидетельствования предприятиями, учреждениями и организациями копий документов, касающихся прав граждан”);

заверение копии документа организацией, в которой представитель работает (п. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 августа 1983 г. № 9779-Х “О порядке выдачи и свидетельствования предприятиями, учреждениями и организациями копий документов, касающихся прав граждан”);

заверение копии документа судьей, в чьем производстве находится дело.

В случае представления надлежащим образом заверенной копии документа об образовании представления оригинала документа не требуется. Вместе с тем суд вправе на основании ч. 6 ст. 67, ч. 2 ст. 71 ГПК РФ, ч. 9 ст. 75 АПК РФ, ч. 3 ст. 70 КАС РФ потребовать для ознакомления оригинал документа.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
25 декабря 2019 г.)*

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ, СВЯЗАННЫХ С УСТАНОВЛЕНИЕМ В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА ТРЕБОВАНИЙ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА И АФФИЛИРОВАННЫХ С НИМ ЛИЦ

В целях обеспечения единообразных подходов к разрешению споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований аффилированных с должником, в том числе контролирующих его, лиц, по результатам изучения и обобщения судебной практики

Верховным Судом РФ на основании ст. 126 Конституции Российской Федерации, ст.ст. 2 и 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации” определены следующие правовые позиции.

1. На аффилированном с должником кредиторе лежит бремя опровержения разумных сомнений относительно мнимости договора, на котором основано его требование, заявленное в деле о банкротстве.

В деле о банкротстве должника аффилированная с ним компания обратилась в суд с заявлением о включении задолженности по договору займа в реестр требований кредиторов должника (далее — реестр).

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, требование компании признано обоснованным и включено в реестр с удовлетворением в третью очередь.

Суды сочли, что задолженность подтверждена договором о предоставлении займа, платежными поручениями о выдаче займа и о частичной уплате процентов по нему, актом сверки взаиморасчетов.

Арбитражный суд округа названные судебные акты отменил, направив обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Возражающая по требованию компании кредитная организация ссылалась на то, что вследствие аффилированности кредитора и должника стало возможным восстановление договора о выдаче займа, платежных документов о перечислении заемных средств, частичной уплате процентов и акта сверки, не отражающих реальное положение дел. Фактически расчетный счет должника был использован в качестве транзитного. Компания, аффилированная с должником, под видом выдачи займа перечисляла на его счет средства, которые последним не расходовались в собственных предпринимательских целях, а перенаправлялись на счета других лиц, входящих в ту же группу, что и должник с компанией. Как полагал банк, при таком обороте активы должника не пополнились на сумму якобы привлеченного от компании финансирования, происходил безосновательный рост долговых обязательств перед аффилированным лицом без получения встречного предоставления.

Согласно п. 1 ст. 170 ГК РФ мнимая сделка, т.е. сделка, совершенная лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей правовые последствия, ничтожна.

Совершая мнимые сделки, аффилированные по отношению друг к другу стороны, заинтересованные в сокрытии от третьих лиц истинных мотивов своего поведения, как правило, верно оформляют все деловые бумаги, но создавать реальные правовые последствия, соответствующие тем, что указаны в составленных ими документах, не стремятся. Поэтому при наличии в рамках дела о банкротстве возражений о мнимости договора суд не должен ограничиваться проверкой документов, представленных кредитором, на соответствие формальным требованиям, установленным законом. Суду необходимо выяснить, представлены ли достаточные доказательства существования фактических отношений по договору.

В рассматриваемом случае в нарушение требований ст.ст. 71, 168 и 170 АПК РФ суды первой и апелляционной инстанций возражения банка не проверили, в частности не проанализировали выписку по счету должника.

Арбитражный суд округа указал на неправильное распределение судами бремени доказывания. Так, суды, с одной стороны, не учли, что являющиеся сторонами договора аффилированные лица (в отличие от обычных участников гражданского оборота, вступающих в обязательственные отношения с должником) имеют гораздо больше возможностей осуществить формальное исполнение мнимой сделки лишь для вида (п. 86 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской

ской Федерации”). С другой стороны, суды не приняли во внимание объективную сложность получения не связанным с должником кредитором, заявившим в деле о банкротстве возражения, отсутствующих у него прямых доказательств мнимости.

В ситуации, когда не связанный с должником кредитор представил косвенные доказательства, поставившие под сомнение факт существования долга, аффилированный кредитор не может ограничиться представлением минимального комплекта документов (например, текста договора займа и платежных поручений к нему, отдельных документов, со ссылкой на которые денежные средства перечислялись внутри группы) в подтверждение реальности заемных отношений. Он должен исчерпывающе раскрыть все существенные обстоятельства, касающиеся заключения и исполнения самой заемной сделки, оснований дальнейшего внутригруппового перераспределения денежных средств, подтвердив, что оно соотносится с реальными хозяйственными отношениями, выдача займа и последующие операции обусловлены разумными экономическими причинами.

При этом аффилированный кредитор не имеет каких-либо препятствий для представления суду полного набора дополнительных доказательств, находящихся в сфере контроля группы, к которой он принадлежит, устраняющего все разумные сомнения по поводу мнимости сделки. Если аффилированный кредитор не представляет такого рода доказательства, то считается, что он отказался от опровержения факта, о наличии которого со ссылкой на конкретные документы указывают его процессуальные оппоненты (ст.ст. 9 и 65 АПК РФ). В подобной ситуации действия, связанные с временным зачислением аффилированным лицом средств на счет должника, подлежат квалификации по правилам, установленным ст. 170 ГК РФ.

В другом деле было отказано во включении в реестр задолженности по договору поставки перед поставщиком, аффилированным по отношению к должнику, представившим договор и товарные накладные, по форме и содержанию соответствующие требованиям закона. Суды исходили из того, что аффилированный кредитор не опроверг возражения уполномоченного органа о мнимости отношений (ст. 170 ГК РФ), подтвержденные косвенными доказательствами существенной затруднительности поставки товара любым участником гражданского оборота, осуществляющим аналогичную с кредитором деятельность, в количестве, отраженном в товарных накладных, в течение срока, указанного в этих накладных.

2. Очередность удовлетворения требования кредитора не может быть понижена лишь на том основании, что он относится к числу аффилированных с должником лиц, в том числе его контролирурующих.

В деле о банкротстве хозяйственного общества компания, являющаяся контролирующим обществом лицом, обратилась в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требования о возврате займа.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявления отказано.

Суды сочли, что вследствие общности экономических интересов должника и контролирующей его компании требования заимодавца не может конкурировать с требованиями кредиторов, не имеющих фактическую возможность давать должнику обязательные для исполнения указания или иным образом определять его действия (далее — независимые кредиторы).

Арбитражный суд округа отменил указанные судебные акты и направил обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Сама по себе выдача контролирующим лицом денежных средств подконтрольному обществу посредст-

вом заключения с ним договора займа не свидетельствует о том, что обязательство по возврату полученной суммы вытекает из участия в уставном капитале (абз. 8 ст. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве)). Действующее законодательство о банкротстве не содержит положений о безусловном понижении очередности удовлетворения некорпоративных требований кредиторов, относящихся к числу контролирующих должника лиц. Из фундаментального принципа автономии воли и свободы экономической деятельности участников гражданского оборота (ст. 1 ГК РФ) следует право каждого определять правовую форму инвестирования, в частности посредством внесения взносов в уставный капитал подконтрольной организации или выдачи ей займов. Если внутреннее финансирование с использованием конструкции договора займа осуществляется добросовестно, не направлено на уклонение от исполнения обязанности по подаче в суд заявления о банкротстве и не нарушает права и законные интересы иных лиц — других кредиторов должника, не имеется оснований для понижения очередности удовлетворения требования, основанного на таком финансировании.

3. Требование контролирующего должника лица подлежит удовлетворению после удовлетворения требований других кредиторов, если оно основано на договоре, исполнение по которому предоставлено должнику в ситуации имущественного кризиса.

3.1. Финансирование, оформленное договором займа

В процедуре конкурсного производства, введенной в отношении должника, кредитор обратился в суд с заявлением о включении в реестр задолженности по договору займа. При этом кредитор представил вступивший в законную силу судебный акт о взыскании с должника в его пользу невозвращенного займа и неуплаченных процентов.

Суд первой инстанции отказал во включении данного требования в реестр, сославшись на то, что кредитор является контролирующим должника лицом, а значит, на него относятся все риски банкротства подконтрольного общества.

Суд апелляционной инстанции отменил определение суда первой инстанции, включил требование в реестр с удовлетворением в третью очередь. Как указал суд, сам по себе факт корпоративного контроля кредитора над должником не является основанием для понижения очередности удовлетворения заемного требования такого кредитора. Кроме того, суд отметил, что требование подтверждено вступившим в законную силу судебным актом о взыскании задолженности по договору займа.

Арбитражный суд округа отменил определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции, направил спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Суд кассационной инстанции согласился с выводом суда апелляционной инстанции о том, что действующее законодательство о банкротстве не содержит положений об автоматическом понижении очередности удовлетворения требования лица, контролирующего должника.

Вместе с тем внутреннее финансирование должно осуществляться добросовестно и не нарушать права и законные интересы иных лиц. В данном деле судами не были установлены обстоятельства предоставления займа подконтрольному обществу.

Согласно п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве при наличии любого из обстоятельств, указанных в этом пункте, считается, что должник находится в трудном экономическом положении (далее — имущественный кри-

зис) и ему надлежит обратиться в суд с заявлением о собственном банкротстве.

Контролирующее лицо, которое пытается вернуть подконтрольное общество, пребывающее в состоянии имущественного кризиса, к нормальной предпринимательской деятельности посредством предоставления данному обществу финансирования (далее — компенсационное финансирование), в частности с использованием конструкции договора займа, т.е. избравшее модель поведения, отличную от предписанной Законом о банкротстве, принимает на себя все связанные с этим риски, в том числе риск утраты компенсационного финансирования на случай объективного банкротства. Данные риски не могут перекладываться на других кредиторов (п. 1 ст. 2 ГК РФ). Таким образом, при банкротстве требование о возврате компенсационного финансирования не может быть противопоставлено их требованиям — оно подлежит удовлетворению после погашения требований, указанных в п. 4 ст. 142 Закона о банкротстве, но приоритетно по отношению к требованиям лиц, получающих имущество должника по правилам п. 1 ст. 148 Закона о банкротстве и п. 8 ст. 63 ГК РФ (далее — очередность, предшествующая распределению ликвидационной квоты).

Арбитражный суд округа дал суду первой инстанции указание: при новом рассмотрении спора установить, при каких обстоятельствах предоставлялось финансирование, и с учетом этого определить очередность удовлетворения требования контролирующего лица. При этом он отметил, что, вопреки выводу суда апелляционной инстанции, само по себе наличие вступившего в законную силу судебного акта, подтверждающего задолженность, не освобождает арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве, от обязанности определить очередность удовлетворения основанного на этой задолженности требования, что следует из п. 10 ст. 16 Закона о банкротстве.

3.2. Финансирование, осуществляемое путем отказа от принятия мер к истребованию задолженности

В деле о банкротстве было установлено: контролирующее должника лицо изначально предоставило заем не в условиях имущественного кризиса.

Суды тем не менее признали требование о возврате займа подлежащим удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты, исходя из следующего.

После наступления согласованного в договоре срока возврата займа контролирующее должника лицо не принимало мер к его истребованию. Такое поведение было обусловлено тем, что к этому моменту изъятие финансирования повлекло бы возникновение имущественного кризиса на стороне должника.

Суды указали, что невостребование контролирующим лицом займа в разумный срок после истечения срока, на который он предоставлялся, равно как отказ от реализации права на досрочное истребование займа, предусмотренного договором или законом (например, п. 2 ст. 811, ст. 813 ГК РФ), или подписание дополнительного соглашения о продлении срока возврата займа по существу являются формами финансирования должника. Если такого рода финансирование осуществляется в условиях имущественного кризиса, позволяя должнику продолжать предпринимательскую деятельность, отклоняясь от заданного п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве стандарта поведения, то оно признается компенсационным с отнесением на контролирующее лицо всех рисков, в том числе риска утраты данного финансирования на случай объективного банкротства.

3.3. Финансирование, оформленное договором купли-продажи, подряда, аренды и т.д.

Разновидностью финансирования по смыслу п. 1 ст. 317¹ ГК РФ является предоставление контролирующе-

щим лицом, осуществившим неденежное исполнение, отсрочки, рассрочки платежа подконтрольному должнику по договорам купли-продажи, подряда, аренды и т.д. по отношению к общим правилам о сроке платежа (об оплате товара непосредственно до или после его передачи продавцом (п. 1 ст. 486 ГК РФ), об оплате работ после окончательной сдачи их результатов (п. 1 ст. 711 ГК РФ), о внесении арендной платы в сроки, обычно применяемые при аренде аналогичного имущества при сравнимых обстоятельствах (п. 1 ст. 614 ГК РФ) и т.п.). Поэтому в случае признания подобного финансирования компенсационным вопрос о распределении риска разрешается так же, как и в ситуации выдачи контролирующим лицом займа. При этом контролирующее лицо, опровергая факт выдачи компенсационного финансирования, вправе доказать, что согласованные им условия (его действия) были обусловлены объективными особенностями соответствующего рынка товаров, работ, услуг (ст. 65 АПК РФ).

Так, в одном из дел о банкротстве контролирующее лицо подало заявление о включении в реестр основного долга по арендной плате за несколько лет, предшествующих введению в отношении подконтрольного должника процедуры наблюдения.

Суд, указав на то, что при аренде коммерческой недвижимости арендная плата обычно вносится ежемесячно, арендодатель не принимал мер к истребованию в разумный срок задолженности, возникшей до имущественного кризиса, продолжил сдавать имущество в аренду после наступления этого кризиса, всю задолженность признал подлежащей удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты.

3.4. Доказывание обстоятельств, при которых предоставлялось финансирование

Неустранимые контролирующим лицом разумные сомнения относительно того, являлось ли предоставленное им финансирование компенсационным, толкуются в пользу независимых кредиторов.

В деле о банкротстве определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, требование контролирующего должника лица включено в реестр с удовлетворением в третью очередь.

Суды сослались на то, что возражающий по требованию независимый кредитор не доказал факт предоставления финансирования в ситуации имущественного кризиса.

Суд округа названные судебные акты изменил, понизив очередность удовлетворения требования контролирующего лица.

В силу ч. 1 ст. 65 АПК РФ каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений.

В рассматриваемом случае независимый кредитор, обосновывая довод о предоставлении финансирования в условиях имущественного кризиса, представил косвенное доказательство — выписку по счету должника, из которой усматривалось существенное снижение выручки в период, предшествующий финансированию. Обычно это свидетельствует о возникновении реальной угрозы неплатежеспособности (обстоятельства, указанного в абз. 6 п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве).

Контролирующее должника лицо, обладающее по сравнению с независимым кредитором значительно большим объемом информации о деятельности должника, структуре его активов и пассивов, состоянии расчетов с дебиторами и кредиторами и т.д., представило документы, которые не устранили все разумные сомнения относительно компенсационной природы финансирования.

При таких обстоятельствах в соответствии с ч. 1 ст. 9 АПК РФ и исходя из смысла разъяснений, изложенных в п. 26 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 “О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве”, именно контролирующее лицо должно нести риск наступления негативных последствий несовершения им процессуальных действий по представлению доказательств отсутствия имущественного кризиса в виде понижения очередности удовлетворения его требования.

4. Очередность удовлетворения требования кредитора, аффилированного с лицом, контролирующим должника, может быть понижена, если этот кредитор предоставил компенсационное финансирование под влиянием контролирующего должника лица.

Должник (покупатель) в ситуации имущественного кризиса заключил с аффилированным по отношению к нему обществом (продавцом) договор поставки зерна.

Должник полученное зерно не оплатил. После того как в отношении него была введена процедура наблюдения, общество обратилось в суд с заявлением о включении требования об оплате поставленного товара в реестр.

Суд первой инстанции не усмотрел оснований для понижения очередности удовлетворения данного требования, поскольку кредитор не являлся лицом, контролирующим должника.

Суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что требование поставщика подлежит удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты.

Поставщик действительно напрямую не контролировал должника. Они аффилированы между собой по признаку вхождения в одну группу лиц (ст. 9 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ “О защите конкуренции”). Так, конечным бенефициаром, контролирующим как должника, так и общество, являлась компания, которая имела возможность определять действия каждой из сторон договора.

Поставщик не доказал наличие каких-либо объективных особенностей состояния рынка зерна. Подконтрольное компании общество в силу аффилированности не могло не знать о том, что покупатель находится в ситуации имущественного кризиса, т.е. существует реальная угроза неполучения встречного денежного исполнения за поставленное зерно. В такой ситуации вполне ожидаемым поведением любого не связанного с должником разумного участника гражданского оборота явился бы отказ от заключения договора либо передача зерна на условии “поставка против платежа”. Это предопределено сущностью конструкции коммерческой организации, предполагающей имущественную обособленность названного субъекта (п. 1 ст. 48 ГК РФ), извлечение им прибыли в качестве основной цели деятельности (п. 1 ст. 50 ГК РФ).

Однако общество договор заключило и фактически его исполнило, передав зерно без получения оплаты. Наиболее вероятной причиной подобных действий поставщика является использование компанией как лицом, контролирующим обе стороны сделки, преимуществ своего положения для выведения одной стороны — должника — из состояния имущественного кризиса. Для достижения данной цели компания фактически перераспределила активы подконтрольных обществ, распорядившись поставить товар покупателю в ситуации имущественного кризиса последнего. Иное в нарушение требований ст. 65 АПК РФ общество не доказало. Поэтому требование общества о выплате стоимости товара, переданного по указанию лица, контролирующего поставщика и должника, по сути, является требованием о возврате компенсационного

финансирования, и к нему применим соответствующий режим удовлетворения.

Кроме того, при рассмотрении требований, обусловленных отношениями, связанными с финансированием, осуществляемым несколькими аффилированными по отношению друг к другу лицами, судам необходимо учитывать следующее.

Правовые подходы, касающиеся очередности удовлетворения требования контролирующего лица, изложенные в настоящем обзоре, применимы и в ситуации, когда финансирование предоставляется несколькими аффилированными по отношению друг к другу лицами, в отдельности не контролирующими должника, но в совокупности имеющими возможность влиять на должника так же, как контролирующее лицо, если только они не докажут, что у каждого из них были собственные разумные экономические причины предоставления финансирования, отличные от мотивов предоставления компенсационного финансирования, т.е. они действовали самостоятельно в отсутствие соглашения между ними, а их поведение не являлось скоординированным (ч. 1 ст. 65 АПК РФ).

5. Не подлежит удовлетворению заявление о включении в реестр требования аффилированного с должником лица, которое основано на исполнении им обязательства должника внешнему кредитору, если аффилированное лицо получило возмещение исполненного на основании соглашения с должником.

В одном из дел было установлено, что должник получил от банка денежные средства по кредитному договору.

Исполнение обязательств заемщика обеспечено поручительством компании. Впоследствии она по требованию банка погасила задолженность по кредитному договору.

После возбуждения дела о банкротстве должника компания предъявила к включению в реестр сумму, выплаченную банку.

Признавая требование компании обоснованным и подлежащим удовлетворению в третью очередь, суд первой инстанции сослался на то, что поручительство выдано в отсутствие имущественного кризиса на стороне должника, все права, принадлежавшие банку, перешли к компании в порядке суброгации (ст.ст. 365, 384 и 387 ГК РФ).

Суд апелляционной инстанции определение суда первой инстанции отменил, признал требование компании необоснованным.

Компания и должник контролировались одним и тем же конечным бенефициаром, определяющим их действия, а также действия иных лиц, входящих в одну с ними группу.

Суд установил, что имело место свободное перемещение денежных средств внутри данной группы. В частности, полученное от банка финансирование было перераспределено — выведено из числа активов должника со ссылкой на выдачу им займа другому члену группы. Затем при предъявлении банком претензии задолженность по кредитному договору погашена входящим в ту же группу поручителем. При этом члены группы не были лишены возможности в ответ на претензию банка произвести обратное перераспределение ресурсов в пользу должника, из оборота которого кредит был изъят изначально, с тем чтобы должник погасил внешний долг лично.

Суд апелляционной инстанции отметил, что правило о переходе прав кредитора в порядке суброгации к поручителю, исполнившему обязательство, является диспозитивным. Оно применяется, если иное не предусмотрено договором поручителя с должником или не вытекает из отношений между ними (п. 3 ст. 365 ГК РФ). Другими словами, при наличии договора должника и поручителя о порядке вступления поручителя в

чужой долг последствия исполнения обязательства поручителем в отношениях между ним и должником регулируются упомянутым договором, в том числе специальным соглашением, определяющим условия покрытия расходов на погашение чужого долга (далее — договор о покрытии), а не правилами о суброгации.

С учетом этого суд апелляционной инстанции признал, что для правильного разрешения спора прежде всего необходимо исследовать внутригрупповые отношения, в том числе сложившиеся между должником и компанией.

В рассматриваемом случае у одного члена группы были изъяты денежные средства в пользу другого члена той же группы, а потом третий член данной группы погасил долг первого перед независимым кредитором. С учетом презумпции разумности действий участников гражданского оборота (п. 5 ст. 10 ГК РФ) есть основания полагать, что действия, направленные на совершение упомянутых операций, обсуждались на внутригрупповых переговорах, в их основе лежит достигнутая членами группы договоренность. При этом подчиненность членов группы одному конечному бенефициару позволяла им заключать соглашения об исполнении обязательств друг друга, в том числе договоры о покрытии, без надлежащего юридического оформления (без соблюдения требований подп. 1 п. 1 ст. 161 ГК РФ).

Исходя из установленных фактов (наличие общего для всей группы конечного бенефициара, перемещение активов внутри этой группы, уменьшившее имущественную сферу должника, последующее исполнение обязательства должника членом группы) и обычной природы взаимодействия аффилированных лиц (предполагающей, как правило, скоординированность поведения, максимальный учет интересов друг друга, оптимизацию внутренних долговых обязательств, конфиденциальность информации о внутригрупповых соглашениях), суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что были представлены доказательства реальности отношений по договору о покрытии и о погашении компанией задолженности должника в рамках данного договора в счет компенсации за изъятые у должника ранее кредитные ресурсы в пользу одного из членов группы.

В силу ст. 65 АПК РФ на компанию перешло бремя опровержения существования такого рода отношений через обоснование разумных причин того, что она погасила задолженность как поручитель, рассчитывающий на суброгацию. В этих целях компании следовало раскрыть основания внутригруппового движения денежных средств, подтвердить, что расчетные операции, опосредующие перемещение активов внутри группы, оформлены в соответствии с их действительным экономическим смыслом и обусловлены разумными экономическими целями.

Компания представила лишь отдельные документы, которых было недостаточно для опровержения позиции о наличии договора о покрытии.

При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции признал недоказанным суброгационное основание требования аффилированного кредитора (ст.ст. 9 и 65 АПК РФ).

В другом деле суд признал необоснованным требование компании, аффилированной с должником, исполнившей обязательство последнего перед внешним по отношению к должнику кредитором и ссылавшейся на переход к ней требования в порядке суброгации на основании п. 5 ст. 313 ГК РФ.

Суд исходил из того, что компания и должник входили в одну группу лиц, контролируемую одним и тем же конечным бенефициаром. Выписки по расчетным счетам членов данной группы свидетельствовали о перемещении денежных средств внутри группы. В ряде

случаев плательщиком по таким внутригрупповым операциям на значительные суммы выступал должник.

С учетом изложенного суд пришел к выводу о том, что погашение компанией обязательства должника перед внешним кредитором скорее могло быть обусловлено наличием скрытого от суда договора о покрытии, являющегося соглашением о предоставлении должнику компенсации за изъятые из его оборота активы посредством осуществления компанией платежа в пользу внешнего кредитора должника (абз. 1 п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 “О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении”, п. 1 ст. 313 ГК РФ), нежели чем являться исполнением компанией чужого обязательства без возложения со стороны должника (пп. 2, 5 ст. 313 ГК РФ).

Поскольку компания не подтвердила, что операция по изъятию денежных средств со счета должника соотносится с реальными хозяйственными отношениями, суд так же, как и в рассмотренной ранее ситуации выдачи поручительства, признал недоказанным суброгационное основание требования аффилированного кредитора (ст.ст. 9 и 65 АПК РФ).

Аналогичный подход применим и в ситуации, когда аффилированная с должником компания перечисляет внешнему кредитору должника денежные средства во исполнение договора купли-продажи, на основании которого производится уступка требования к должнику, однако из анализа внутригрупповых отношений усматривается, что наряду с договором купли-продажи требования, заключенным аффилированным лицом (цессионарием) с внешним кредитором (цедентом), вероятнее всего, цессионарием и должником также был заключен договор о покрытии (о предоставлении должнику компенсации за изъятый у него актив путем совершения аффилированным лицом (цессионарием) платежа в пользу независимого кредитора должника), компенсационная природа которого не предполагает реализацию цессионарием прав кредитора.

6. Очередность удовлетворения требования, перешедшего к лицу, контролирующему должника, в связи с переменой кредитора в обязательстве, понижается, если основание перехода этого требования возникло в ситуации имущественного кризиса должника.

6.1. Суброгационное требование контролирующего должника лица, основанное на заключенном с независимым кредитором договоре о предоставлении контролирующим лицом обеспечения за должника

В одном из дел было установлено, что должник (заемщик) и банк заключили кредитный договор, в соответствии с которым банк предоставил заемщику кредит.

В обеспечение исполнения обязательств по кредитному договору банк и контролирующая должника компания заключили договор поручительства. Кроме того, в целях обеспечения исполнения обязательств по возврату кредита и уплате процентов заемщик передал свое недвижимое имущество в ипотеку.

Впоследствии в связи с неисполнением заемщиком обязательств по кредитному договору задолженность перед банком была полностью погашена компанией как поручителем.

Затем суд возбудил производство по делу о банкротстве заемщика.

В рамках данного дела компания обратилась в суд с заявлением о включении требований, основанных на кредитном договоре и договоре об ипотеке, перешедших к ней в порядке суброгации (ст. 365, подп. 3 п. 1 ст. 387 ГК РФ), в реестр как обеспеченных залогом имущества должника.

Суды признали требования компании обоснованными, подлежащими удовлетворению в очередности,

предшествующей распределению ликвидационной квоты.

Как установили суды, договор о покрытии заемщиком и поручителем не заключался.

Суды приняли во внимание, что договор поручительства был заключен компанией в условиях имущественного кризиса подконтрольного ей основного должника. Контролирующее лицо, выдавая поручительство, по сути, предоставило должнику компенсационное финансирование, а значит, суброгационные требования поручителя, в том числе основанные на договоре ипотеки, не могут конкурировать с требованиями других кредиторов (п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве, п. 1 ст. 2 ГК РФ) — они подлежат удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты. Компания вправе рассчитывать на погашение долгов из стоимости заложенного имущества преимущественно только перед кредиторами одной с ней очереди удовлетворения, в отношении кредиторов более приоритетных очередностей удовлетворения заложенные имущества компании не действуют.

6.2. Требование, приобретенное контролирующим лицом у независимого кредитора по договору купли-продажи

В рамках дела о банкротстве должника контролирующее его лицо обратилось в суд с заявлением о включении в реестр требования, основанного на кредитном договоре.

Кредит был предоставлен должнику независимым кредитором — банком. До возбуждения дела о банкротстве заемщика контролирующее лицо приобрело у банка по договору купли-продажи требование к должнику о возврате кредита и об уплате процентов по нему.

Суд первой инстанции признал требование обоснованным и включил его в реестр с удовлетворением в третью очередь.

Суд исходил из того, что, если бы банк обратился с заявлением о включении задолженности в реестр, очередность удовлетворения соответствующего требования не была бы понижена. В силу ст. 384 ГК РФ к контролирующему лицу как к цессионарию требование перешло в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту его перехода от цедента.

Суд апелляционной инстанции определение суда первой инстанции изменил, установив следующее: в момент уступки должник находился в состоянии имущественного кризиса.

Приобретая у независимого кредитора требование к должнику в такой ситуации, контролирующее лицо тем самым создавало условия для отсрочки погашения долга по кредитному договору, т.е. фактически профинансировало должника, предоставив ему возможность осуществлять предпринимательскую деятельность, не исполняя обязанность по подаче заявления о банкротстве (п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве).

Договор о покрытии контролирующим лицом и должником не заключался.

На требование, полученное лицом, контролирующим должника, в условиях имущественного кризиса последнего, распространяется тот же режим удовлетворения, что и на требование о возврате компенсационного финансирования, — оно удовлетворяется в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты.

В другом деле суд первой инстанции не понизил очередность удовлетворения уступленного контролирующему лицу требования, указав на то, что к моменту уступки срок исполнения обязательства еще не наступил, а значит, приобретение требования нельзя рассматривать как способ финансирования должника.

Суд апелляционной инстанции изменил определение суда первой инстанции, указав следующее. Контролирующему лицу было очевидно — должник исходя из своего имущественного положения не сможет ис-

полнить обязательство тогда, когда наступит срок его исполнения. Иными словами, должник в момент уступки уже находился в ситуации имущественного кризиса, под которым понимается не только непосредственное наступление обстоятельств, указанных в п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве, но и ситуация, при которой их возникновение стало неизбежно.

6.3. Требование контролирующего лица, исполнившего обязательство должника перед независимым кредитором в отсутствие возложения со стороны должника

Компания, контролирующая общество, до возбуждения дела о его несостоятельности исполнила обязательство общества перед банком по кредитному договору без возложения со стороны должника. Впоследствии компания обратилась в суд с заявлением о включении в реестр требования, основанного на кредитном договоре, со ссылкой на переход к ней данного требования на основании п. 5 ст. 313 ГК РФ.

Определением суда первой инстанции заявление компании признано обоснованным, задолженность включена в реестр с удовлетворением в третью очередь. Суд счел, что компания в порядке суброгации заменила банк (кредитора).

Суд апелляционной инстанции, установив, что исполнение чужого обязательства осуществлено контролирующим лицом в ситуации имущественного кризиса должника, признал суброгационное требование контролирующего лица подлежащим удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты. Суд указал, что такое погашение долга является равнозначностью финансирования, поскольку направлено на блокирование возможности независимого кредитора инициировать возбуждение дела о банкротстве должника и создание тем самым условий для продолжения предпринимательской деятельности в ситуации имущественного кризиса, маскируя его вопреки требованиям п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве. Подобного рода финансирование признается компенсационным.

Аналогичный подход применим и в ситуации, когда контролирующее лицо (плательщик), исполнившее обязательство должника перед независимым кредитором на основании заключенного должником и контролирующим его лицом договора о покрытии, содержащего условие о выплате плательщику вознаграждения за погашение чужого долга, предъявляет к включению в реестр сумму вознаграждения по договору о покрытии.

7. Действия, направленные на необоснованное повышение очередности удовлетворения требования, эту очередность не изменяют.

В рамках дела о банкротстве должника общество обратилось в суд с заявлением о включении в реестр требования, основанного на договоре займа.

Другой кредитор заявил возражение относительно очередности удовлетворения данного требования, сославшись на то, что оно приобретено обществом у компании, являющейся лицом, контролирующим должника.

Суд первой инстанции счел, что для правильного разрешения спора значение имеет правовое положение предъявившего требование лица, а не первоначального кредитора — заимодавца. Указав на отсутствие заинтересованности общества по отношению к должнику (ст. 19 Закона о банкротстве), суд включил его требование в реестр с удовлетворением в третью очередь.

Суд апелляционной инстанции изменил определение суда первой инстанции, признав требование общества подлежащим удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты.

Он установил, что компания предоставила должнику компенсационное финансирование. Следовательно, если бы уступка не была совершена, очеред-

ность удовлетворения требования компании о возврате такого финансирования подлежала бы понижению.

Как разъяснено в абз. 2 п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 54 “О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки”, первоначальный кредитор не может уступить новому кредитору больше прав, чем имеет сам; вместе с тем на основании закона новый кредитор в силу его особого правового положения может обладать дополнительными правами, которые отсутствовали у первоначального кредитора.

Общество в соответствии с законом не имело каких-либо дополнительных прав по сравнению с правами компании. Поэтому уступка компанией требования обществу — внешне независимому кредитору — не изменила очередность его удовлетворения.

В другом деле с заявлением о включении в реестр требования, основанного на договоре займа, обратился кредитор, ссылавшийся на отсутствие у него признаков аффилированности по отношению к должнику.

Суд первой инстанции установил, что данный кредитор на момент предоставления займа являлся мажоритарным акционером, контролирующим должника. Заем выдан в условиях имущественного кризиса последнего и являлся компенсационным финансированием. Последующая продажа кредитором пакета акций, прекратившая возможность осуществления им контроля над должником, не повлекла повышения очередности удовлетворения требования бывшего мажоритарного акционера.

С учетом изложенного суд признал требование подлежащим удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты.

8. Контролирующее должника лицо, привлеченное к субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов, не может получить удовлетворение своего требования к должнику наравне с требованиями других кредиторов.

Требование компании, основанное на неисполнении должником обязательств по договору подряда, включено в реестр с удовлетворением в третью очередь.

Впоследствии в арбитражный суд поступило заявление о привлечении этой компании к субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов.

В период рассмотрения спора о привлечении к ответственности компания обратилась в суд с жалобой на бездействие конкурсного управляющего, выразившейся в невыплате ей денежных средств в счет погашения задолженности, включенной в реестр, в процедуре расчетов с кредиторами третьей очереди удовлетворения.

Суд первой инстанции жалобу удовлетворил.

Суд счел, что, поскольку очередность удовлетворения требования компании не была понижена при включении задолженности в реестр, отсутствовали основания для приостановления выплат в ее пользу до вступления в законную силу судебного акта по вопросу о привлечении компании к субсидиарной ответственности.

Суд апелляционной инстанции определение суда первой инстанции отменил, в удовлетворении жалобы отказал.

Если в возникновении невозможности исполнения по причине банкротства виноват кредитор, он лишается права требовать возврата той части своего предоставления, которая покрывает убытки должника (п. 1 ст. 6, п. 4 ст. 401, ст.ст. 404, 406 и п. 2 ст. 416 ГК РФ).

Следовательно, если контролирующее лицо виновными действиями создало ситуацию банкротства, т.е. ситуацию, при которой полное исполнение обязательств как перед ним, так и перед другими кредиторами стало невозможно и кредиторы получают лишь часть от причитающегося, такое контролирующее лицо не-

сет риск возникшего неисполнения. Оно не вправе полагаться на то, что при банкротстве последствия его виновных действий будут относиться не только на него, но и на других кредиторов, а значит, контролирующее лицо не может получить удовлетворение в той же очередности, что и независимые кредиторы.

Если в период рассмотрения судом заявления о привлечении кредитора к субсидиарной ответственности как контролирующего лица конкурсный управляющий приступил к расчетам с кредиторами третьей очереди удовлетворения, то применительно к абз. 1 п. 6 ст. 142 Закона о банкротстве он обязан зарезервировать денежные средства в размере, достаточном для пропорционального удовлетворения кредиторского требования лица, привлекаемого к ответственности (п. 1 ст. 6 ГК РФ).

В случае отказа в привлечении кредитора к ответственности зарезервированные денежные средства передаются ему, а в случае привлечения к ответственности (после вступления в силу определения о наличии оснований для привлечения к ответственности) определение о включении в реестр требования контролирующего лица подлежит пересмотру применительно к правилам ст. 311 АПК РФ по заявлению заинтересованного лица, зарезервированные средства перераспределяются в соответствии с изменившимся реестром, после чего определяется размер ответственности контролирующего лица.

С учетом изложенного суд апелляционной инстанции отказал в признании незаконным бездействия арбитражного управляющего, зарезервировавшего необходимую сумму, указав, что его поведение являлось законным, отвечало принципам добросовестности и разумности (п. 4 ст. 20³ Закона о банкротстве).

В другом деле конкурсный кредитор обратился в суд с заявлением о принятии обеспечительных мер (п. 2 ч. 1 ст. 91 АПК РФ, ст. 46 Закона о банкротстве) в виде запрета осуществлять расчеты за счет конкурсной массы по требованию другого кредитора, являющегося ответчиком по заявлению о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности.

Конкурсный управляющий возражал против принятия подобных мер, поскольку и в их отсутствие управляющий обязан зарезервировать средства, подлежащие выплате привлекаемому к ответственности лицу.

Суд удовлетворил заявление кредитора. Наличие обязанности по резервированию не лишает независимого кредитора права заявить ходатайство о принятии обеспечительных мер. Испрашиваемые меры направлены на сохранение существующего состояния отношений (*status quo*) между лицами, вовлеченными в процесс банкротства, и предотвращение причинения значительного ущерба независимым кредиторам на случай недобросовестности арбитражного управляющего. Суд учел, что при осуществлении выплат в пользу привлекаемого к ответственности лица последующая защита интересов независимых кредиторов будет существенно затруднена.

9. Очередность удовлетворения требования контролирующего должника лица о возврате займа, предоставленного в начальный период осуществления должником предпринимательской деятельности, может быть понижена, если не установлено иных целей выбора такой модели финансирования, кроме как перераспределение риска на случай банкротства.

В рамках дела о банкротстве общества с ограниченной ответственностью (далее в этом пункте — организация) лицо, контролирующее его посредством косвенного участия в уставном капитале, обратилось в суд с заявлением о включении в реестр требования, основанного на договоре займа.

Суды установили, что при создании организации учредители наделили ее уставным капиталом в мини-

мальном размере — 10 тыс. рублей (п. 1 ст. 14 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ “Об обществах с ограниченной ответственностью” (далее — Закон об обществах с ограниченной ответственностью), п. 1 ст. 66², п. 1 ст. 90 ГК РФ). После создания организация предпринимательскую деятельность фактически не вела. Затем контролирующее лицо предоставило организации заем, и она приступила к реализации проекта по созданию офисного центра.

Последующее введение в отношении организации процедуры банкротства послужило основанием для обращения контролирующего лица с заявлением о включении заемной задолженности в реестр.

Суд первой инстанции, с выводами которого согласились суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа, понизил очередность удовлетворения данного требования.

Согласно абз. 2 п. 4 ст. 65² ГК РФ участник корпорации обязан участвовать в образовании имущества корпорации в необходимом размере.

По общему правилу в связи с неопределенностью, присущей предпринимательской деятельности, учредителям хозяйственного общества заранее может быть неизвестно, является ли формируемый ими уставный капитал достаточным или нет.

Вместе с тем в рассматриваемом случае у учредителей организации не было какой-либо неопределенности относительно рынка и масштабов деятельности нового, созданного ими, участника гражданского оборота. Уже на начальном этапе им было заведомо известно, что организация не имеет возможности вести нормальную предпринимательскую деятельность в сфере создания крупных объектов недвижимости ввиду очевидного несоответствия полученного ею имущества (денежные средства в сумме 10 тыс. рублей) объему планируемых мероприятий (создание офисного центра). Контролирующее лицо намеренно отказалось от предусмотренных законом механизмов капитализации через взносы в уставный капитал (ст. 15 Закона об обществах с ограниченной ответственностью) или вклады в имущество (ст. 27 Закона об обществах с ограниченной ответственностью) и воспользовалось предусмотренным законом минимальным размером уставного капитала, не выполняющим гарантирующую функцию. Это было сделано с единственной целью — перераспределение риска утраты крупного вклада на случай неуспешности коммерческого проекта, повлекшей банкротство подконтрольной организации. Однако в ситуации прибыльности данного проекта все преимущества относились бы на это контролирующее лицо. Избранная контролирующим лицом процедура финансирования уже в момент ее выбора приводила к очевидному дисбалансу прав должника (его учредителей, контролирующего лица) и прав независимых кредиторов.

При таких обстоятельствах на основании п. 4 ст. 1 ГК РФ суд признал требование контролирующего лица подлежащим удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты.

10. Если предоставление займа лицом, контролирующим должника, в условиях кризиса последнего было обусловлено наличием соглашения займодавца с не связанным с должником мажоритарным кредитором, очередность удовлетворения требования контролирующего лица не понижается при условии, что данным соглашением не были нарушены права и законные интересы миноритарных кредиторов, не участвовавших в этом соглашении.

В условиях имущественного кризиса должника контролирующая его компания и мажоритарный кредитор, не связанный с должником, пришли к соглашению о том, что в целях реализации плана по преодолению кризиса контролирующее лицо предоставит должнику компенсационное финансирование.

После этого контролирующее лицо предоставило должнику несколько займов.

Однако должник не сумел преодолеть имущественный кризис (несмотря на полученное компенсационное финансирование), и в отношении него было возбуждено дело о банкротстве.

В рамках этого дела компания обратилась в суд с заявлением о включении ее требования в реестр.

Определением суда первой инстанции требования контролирующего лица признаны подлежащими удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты.

Постановлением суда апелляционной инстанции определение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Арбитражный суд округа названные судебные акты отменил, направив обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Очередность удовлетворения требования контролирующего лица понижается вследствие того, что оно, отклоняясь от стандарта поведения, предусмотренного п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве, принимает решение о предоставлении компенсационного финансирования на свой риск, относя на себя в том числе риск утраты данного финансирования на случай объективного банкротства. По общему правилу в соответствии с п. 1 ст. 2 ГК РФ этот риск не может перекладываться на других кредиторов.

Вместе с тем оснований для отнесения риска невозврата компенсационного финансирования на контролирующее лицо не возникает в ситуации, когда решение о предоставлении компенсационного финансирования, являющееся по своей природе частным случаем досудебной санации (ст. 31 Закона о банкротстве), было согласовано с мажоритарным кредитором и вследствие его реализации положение не участвовавших в принятии данного решения миноритарных кредиторов (п. 3 ст. 308 ГК РФ) не ухудшилось по сравнению с тем, как если бы финансирование не предоставлялось, а имущество должника немедленно реализовывалось бы в ликвидационной процедуре.

С учетом изложенного суд округа указал на необходимость проверки при новом рассмотрении спора обстоятельств, касающихся влияния данного плана на положение миноритарных кредиторов.

11. Наличие у кредитора, предоставившего должнику финансирование, права контролировать деятельность последнего для обеспечения возврата этого финансирования не является основанием понижения очередности удовлетворения требования такого кредитора, не преследующего цель участия в распределении прибыли должника.

В деле о банкротстве должника банк обратился в суд с заявлением о включении его требования, основанного на кредитном договоре, в реестр с удовлетворением в третью очередь.

Суд первой инстанции, установив, что кредит был предоставлен в период имущественного кризиса, понизил очередность удовлетворения требования банка. Суд сослался на следующее: кредитная организация контролировала должника, поскольку в силу заключенного с мажоритарным акционером договора залога акций должника она имела право голосовать на общем собрании акционеров соответствующими акциями и осуществлять иные права акционера должника, в том числе на получение информации о его деятельности.

Суд апелляционной инстанции изменил определение суда первой инстанции, включив требование банка в реестр с удовлетворением в третью очередь.

Основанием понижения очередности удовлетворения требования контролирующего лица является то, что, предоставляя в ситуации имущественного кризиса компенсационное финансирование, это лицо в одностороннем порядке (без участия независимых кредито-

ров) принимает рискованное решение о способе выхода из сложившейся ситуации, затрагивающее судьбу уже вложенных независимыми кредиторами средств, отклоняясь от стандарта поведения, установленного п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве. Поэтому все возможные риски, связанные с реализацией данного решения, относятся на контролирующее лицо. При этом указанное лицо, предоставляя финансирование, рассчитывает не только и не столько на получение выгоды в виде согласованного в договоре процента за пользование займом, сколько на участие в распределении всей потенциальной прибыли должника, заранее неопределимой и неограниченной.

В данном случае банк, учитывая повышенный риск невозврата выдаваемого им кредита, договорился о предоставлении ему права на участие в управлении деятельностью должника для воспрепятствования возможному выводу активов, создания гарантий использования заемных средств по назначению и т.д., т.е., в конечном счете, для обеспечения исполнения обязательств по возврату кредита и выплате фиксированного процента по нему (ст. 819 ГК РФ).

По смыслу ст.ст. 358¹⁵, 358¹⁷ ГК РФ, ст. 51⁶ Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее — Закон о рынке ценных бумаг) в подобных случаях презюмируется отсутствие у кредитной организации цели участия в распределении всей предполагаемой будущей прибыли должника. Кредитор, который ссылаясь на необходимость понижения очередности удовлетворения требования банка, не смог представить ни доказательств обратного (например, доказательств совершения кредитной организацией действий, выходящих за пределы обычных интересов кредитора-залогодержателя), ни свидетельств того, что банк действовал недобросовестно (в частности, навязывал органам управления должника заведомо невыгодные управленческие решения, блокировал принятие явно выгодных решений).

С учетом изложенного суд апелляционной инстанции не усмотрел достаточных оснований для отнесения на банк риска утраты финансирования на случай банкротства и включил его требование в реестр с удовлетворением в третью очередь.

По тем же основаниям в другом деле суд не понизил очередность удовлетворения основанного на кредитном договоре требования банка, которому мажоритарный акционер должника передал в собственность свои акции, указав следующее.

Банк, не связанный с должником, находящимся в ситуации имущественного кризиса, предоставил ему кредит. В это же время банк заключил с мажоритарным акционером договор репо. Исполняя первую часть договора репо, акционер передал принадлежащий ему пакет акций банку. По условиям договора репо его вторая часть подлежала исполнению банком после погашения должником кредита и уплаты процентов.

Суд указал на то, что приобретение банком прав на акции служило для него лишь обеспечением исполнения заемщиком обязательств по уплате установленных кредитным договором платежей, а также гарантией возврата вложенного. По смыслу ст. 329 ГК РФ, ст. 51³ Закона о рынке ценных бумаг и с учетом условий договора репо упомянутое обеспечение носило временный характер — оно прекращалось при внесении заемщиком всех платежей по кредитному договору (в случае если бы план выхода из кризиса был реализован, то долг был бы погашен, а акции возвращены первоначальному акционеру во исполнение второй части договора репо). Суд принял во внимание разъяснения о возможности признания обеспечительного характера действий по передаче права собственности, приведенные в п. 1 постановления Пленума Высшего Арбит-

ражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 17 “Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга”.

В третьем деле суд не понизил очередность удовлетворения требования кредитной организации, выдавшей кредит в условиях имущественного кризиса должника, несмотря на то, что она имела фактическую возможность контролировать деятельность должника в силу:

отдельных положений кредитного договора, содержащих специальные условия о совершении заемщиком одних действий и о воздержании от совершения других — о согласовании с банком ряда управленческих решений (в частности, о продаже имущества стоимостью свыше 10 процентов от балансовой стоимости активов), о запрете на приобретение заемщиком непрофильных активов и т.д. (далее — специальные условия финансирования);

заключенного банком и мажоритарным акционером должника по правилам п. 9 ст. 67² ГК РФ корпоративного договора, согласно которому акционер обязался голосовать против решений, направленных на изменение основного вида деятельности заемщика, о внесении изменений в устав в части расширения полномочий единоличного исполнительного органа, о реорганизации должника, решений об одобрении крупных сделок и сделок с заинтересованностью, не согласованных с банком, проголосовать на общем собрании за включение представителя кредитной организации в состав совета директоров должника и др.

Суд исходил из того, что содержащиеся в кредитном договоре специальные условия финансирования, корпоративный договор с мажоритарным акционером были использованы в качестве обеспечительного механизма надлежащего исполнения заемщиком обязательств по кредитному договору. При этом кредитная организация не преследовала цель участия в распределении прибыли.

В четвертом деле судом установлено, что кредитор, не связанный с должником, предоставил ему заем в ситуации имущественного кризиса заемщика. В целях обеспечения исполнения обязательств по возврату займа и уплате процентов акционеры должника передали займодавцу в залог свои акции (ст.ст. 358¹⁵, 358¹⁶ ГК РФ, ст. 51⁶ Закона о рынке ценных бумаг). Ввиду неисполнения должником обязательств по возврату займа кредитор обратил взыскание на эти акции, что не привело к погашению задолженности в полном объеме.

Впоследствии было возбуждено дело о банкротстве заемщика.

Суд включил требование кредитора о возврате непогашенной части долга в реестр с удовлетворением в третью очередь, указав следующее: обращение взыскания на заложенные акции направлено на получение исполнения, став акционером, кредитор не предоставлял должнику неразумно длительных отсрочки либо рассрочки исполнения заемного обязательства, при этом, по существу, займодавец не имел возможности участвовать в распределении прибыли должника.

12. Выбор кандидатуры арбитражного управляющего либо саморегулируемой организации арбитражных управляющих определяется решением кредиторов, не являющихся лицами, контролирующими должника или аффилированными с должником.

Конкурсный кредитор обратился в суд с заявлением о признании недействительным решения общего собрания кредиторов должника о выборе кандидатуры конкурсного управляющего. Заявление мотивировано тем, что при определении кворума и подсчете голосов учитывались включенные в третью очередь реестра требования контролирующего должника лица и аффилированных с должником лиц.

Суд первой инстанции в удовлетворении заявления отказал, сославшись на то, что Законом о банкротстве (в том числе положениями ст. 12) не предусмотрено исключение указанных лиц из числа кредиторов, голосящих по вопросам повестки дня.

Суд апелляционной инстанции определение суда первой инстанции отменил.

Федеральный законодатель, дополняя ст. 37 Закона о банкротстве п. 5, установил, что при выборе арбитражного управляющего (саморегулируемой организации) в первой процедуре банкротства мнение должника игнорируется: арбитражный управляющий выбирается конкурсным кредитором — заявителем по делу о банкротстве, а при подаче заявления о банкротстве самим должником — случайным образом. Такое регулирование направлено на обеспечение подлинной независимости управляющего и предотвращение потенциального конфликта интересов, т.е. на устранение каких-либо сомнений по поводу того, что управляющий, предложенный должником, прежде всего будет действовать к выгоде последнего, игнорируя права гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов.

В дальнейшем решение о выборе арбитражного управляющего (саморегулируемой организации) принимается собранием кредиторов (абз. 6 п. 2 ст. 12 Закона о банкротстве).

Поскольку по общему правилу контролирующее должника лицо и аффилированные с должником лица имеют общий с должником интерес, отличный от интереса независимых кредиторов, учет их голосов при последующем выборе кандидатуры арбитражного управляющего (саморегулируемой организации) приводит к тому, что установленный действующим правовым регулированием механизм предотвращения потенциального конфликта интересов не достигает своей цели.

Из этого же исходят и п. 2 ст. 126 и п. 1 ст. 129 Закона о банкротстве, предусматривающие после признания должника банкротом прекращение полномочий акционеров по избранию руководителя должника и передачу полномочий по выбору нового руководителя в виде конкурсного управляющего к компетенции собрания кредиторов.

С учетом изложенного, на основании п. 1 ст. 6 ГК РФ, абз. 6 п. 2 ст. 12, п. 5 ст. 37 и ст. 126 Закона о банкротстве суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что решение о кандидатуре арбитражного управляющего (саморегулируемой организации) в ходе любой процедуры банкротства должно приниматься кредиторами, не являющимися лицами, контролирующими должника или аффилированными с ним.

Установив, что учет голосов названных лиц повлиял на результаты голосования, суд апелляционной инстанции признал решение собрания недействительным (п. 4 ст. 15 Закона о банкротстве).

В другом деле суд отклонил возражение об отсутствии юридической силы у решения собрания кредиторов о выборе саморегулируемой организации, основанное на голосовании за принятие данного решения кредитной организацией, имевшей корпоративный договор с мажоритарным акционером должника (п. 9 ст. 67² ГК РФ).

В данном случае кредитная организация получила право контролировать деятельность должника только в обеспечительных целях, и поэтому у нее не появился интерес, отличный от интереса кредиторов, не связанных с должником.

Аналогичная ситуация возникает и тогда, когда не связанный с должником кредитор получил в обеспечительных целях корпоративные права в отношении должника либо право контролировать деятельность должника, включив специальные условия финансирования в кредитный договор.

В третьем деле по тем же мотивам суд признал за кредитной организацией, получившей возможность контролировать деятельность должника в обеспечительных целях, право предлагать кандидатуру управляющего при подаче ею заявления о признании должника банкротом.

13. Само по себе участие публично-правового образования в формировании уставного капитала (фонда) должника не является основанием для понижения очередности удовлетворения требования публично-правового образования к этому должнику.

В деле о банкротстве федерального государственного унитарного предприятия (далее — предприятие) уполномоченный орган обратился в суд с заявлением о включении в реестр регрессного требования, основанного на исполнении Российской Федерацией государственной гарантии, предоставленной бенефициару в обеспечение надлежащего исполнения предприятием обязательств перед этим бенефициаром.

Суд первой инстанции признал требование обоснованным, подлежащим удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты. Определение мотивировано следующим. Предприятие учреждено Российской Федерацией, которая, выдав государственную гарантию в условиях имущественного кризиса предприятия, по сути, предоставила ему компенсационное финансирование.

Суд апелляционной инстанции изменил определение суда первой инстанции, включив требование уполномоченного органа в реестр с удовлетворением в третьей очереди.

Создание публично-правовым образованием предприятия было вызвано необходимостью осуществления им деятельности для решения общественно значимых задач (п. 4 ст. 8 Федерального закона от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ “О государственных и муниципальных унитарных предприятиях”). Поддержка предприятия путем выдачи его контрагенту государственной гарантии направлена на создание Российской Федерацией условий для достижения указанной цели учреждения должника и обусловлена публичным интересом. Причиной действий публично-правового образования не являлось характерное для обычного контролирующего лица бенефициарное стремление участвовать в распределении всей возможной будущей прибыли должника.

При таких обстоятельствах суд не нашел оснований полагать, что требование о включении задолженности в реестр предьявлено уполномоченным органом для необоснованного перераспределения риска при банкротстве предприятия.

В другом деле суд признал необоснованными доводы об отсутствии у уполномоченного органа права голоса на собрании кредиторов должника, учрежденного публично-правовым образованием, по вопросу о выборе кандидатуры арбитражного управляющего, применив по аналогии (ст. 6 ГК РФ) п. 1 ст. 81 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ “Об акционерных обществах”, п. 1 ст. 45 Закона об обществах с ограниченной ответственностью и указав на то, что в данном случае целью участия Российской Федерации в формировании уставного капитала (фонда) должника являлась не столько реализация ее имущественных прав учредителя, сколько выполнение публично-правовых обязанностей, вытекающих из государственных функций.

14. Кредитор, требование которого признано подлежащим удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты, обладает процессуальными правами лица, участвующего в деле о банкротстве.

Суд первой инстанции оставил без рассмотрения жалобу на действия арбитражного управляющего, поданную контролирующим лицом, чье требование признано подлежащим удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты. Суд сослался на то, что такой кредитор не обладает правами лица, участвующего в деле о банкротстве.

Суд апелляционной инстанции это определение отменил.

Понижение очередности погашения требования лица, контролирующего должника, вызвано исключительно отнесением на него риска предоставления компенсационного финансирования. В связи с этим требование такого лица удовлетворяется на основании п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве, п. 1 ст. 2 ГК РФ в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты, и оно в силу п. 1 ст. 12 Закона о банкротстве не имеет права голоса на собраниях кредиторов.

Однако, несмотря на более низкую вероятность получить реальное исполнение в процедуре банкротства, у данного лица сохраняется материальное требование к должнику, не являющееся корпоративным. Поэтому с процессуальной точки зрения такой кредитор имеет все права, предоставляемые участвующему в деле о банкротстве лицу (ст. 34 Закона о банкротстве). Так, в частности, он вправе участвовать в судебных заседаниях по делу о банкротстве, обжаловать принятые по этому делу судебные акты, заявлять возражения против требований кредиторов, подавать жалобы на действия арбитражного управляющего, участвовать в собраниях кредиторов без права голоса и т.д.

В другом деле компания, контролирующая должника, обратилась в суд с заявлением о его банкротстве.

Суд первой инстанции отказал во введении процедуры наблюдения по заявлению компании и прекратил производство по делу, сославшись на последний абзац п. 3 ст. 48 Закона о банкротстве. Как отметил суд, требование компании подлежит удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты, в связи с чем она не может инициировать возбуждение дела о банкротстве.

Суд апелляционной инстанции отменил определение суда первой инстанции. Суд указал, что компания является контролирующим должника лицом, поэтому она не только вправе, но и обязана принимать меры по инициированию процедуры несостоятельности в отношении должника при возникновении имущественного кризиса на стороне последнего (пп. 1 и 3¹ ст. 9 Закона о банкротстве).

Более того, поскольку право обратиться с заявлением о собственном банкротстве принадлежит не только должнику (п. 1 ст. 7 Закона о банкротстве), но и кредиторам, то нет оснований полагать, что соответствующими полномочиями не обладают контролирующее должника либо аффилированные с ним лица, требования которых возникли на основании гражданско-правовых сделок.

Учитывая изложенное, суд апелляционной инстанции ввел в отношении должника процедуру наблюдения, признав требование компании подлежащим удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты. При этом вопрос об утверждении временного управляющего разрешен судом посредством случайного выбора (п. 5 ст. 37 Закона о банкротстве, п. 27¹ Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 20 декабря 2016 г.).

(Обзор утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 января 2020 г.)

НАЗНАЧЕНИЯ

По представлению Президента Российской Федерации, основанному на представлении Председателя Верховного Суда Российской Федерации, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации назначил на должность заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации — председателя Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации с 25 марта 2020 г.

ПЕТРОВУ Татьяну Анатольевну (постановление от 25 марта 2020 г. № 99-СФ).

По представлению Президента Российской Федерации, основанному на представлении Председателя Верховного Суда Российской Федерации, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации назначил на должность заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации — председателя Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации с 25 марта 2020 г.

ДАВЫДОВА Владимира Александровича (постановление от 25 марта 2020 г. № 100-СФ).

По представлению Президента Российской Федерации, основанному на представлении Председателя Верховного Суда Российской Федерации, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации назначил на должность заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации — председателя Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации с 25 марта 2020 г.

ХОМЧИКА Владимира Владимировича (постановление от 25 марта 2020 г. № 105-СФ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), **Борисова Е.Е.**, **Горшков В.В.**, **Давыдов В.А.**, **Дзыбан А.А.**,
Журавлева Е.М., **Момотов В.В.**, **Нечаев В.И.**, **Петрова Т.А.**, **Пчелинцева Л.М.**, **Рудаков С.В.**,
Свириденко О.М., **Хаменков В.Б.**, **Хомчик В.В.**, **Шилохвост О.Ю.**

Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

Подписано в печать 30.06.2020.
Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 7,25. Тираж 8106 экз. Заказ 57-2020.

Отпечатано в ООО “СИНТЕРИЯ”.
109316, г. Москва, Волгоградский просп., д. 43, корп. 3, эт. 11, пом. XXVI, комн. 13К.
Телефон: 495-636-27-08.
E-mail: e.moiseeva@sinteria.ru
